

МОНТАЖ И ДЕМОНТАЖ СЕКУЛЯРНОГО МИРА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АЛЕКСЕЯ МАЛАШЕНКО И СЕРГЕЯ ФИЛАТОВА

Сергей Филатов. Русское православие, общество и власть во времена политической турбулентности. РПЦ после осени 2011 г. Борис Кнорре. Российское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права Роман Лункин. Христианские конфессии в российском обществе «традиционных религий»: неизбежное «зло» и символ десекуляризации Протоиерей Алексей Уминский. Христианская община и гражданское общество Борис Дубин. Вера большинства Елена Волкова. Религия и магия искусства: от художественной агиографии – к протестной акции Олег Морозов. Легенды и мифы российской истории: историческая политика руководства Русской православной церкви в начале XXI в. Ирина Глушкова. «Эмоциональный поворот»: индуизм, ислам и другие религии в «республике оскорбленных чувств» Павел Шлыков. Направления и динамика процесса десекуляризации в Турции

РЕЛИГИЯ В ЕВРАЗИИ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

МОНТАЖ И ДЕМОНТАЖ СЕКУЛЯРНОГО МИРА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АЛЕКСЕЯ МАЛАШЕНКО
И СЕРГЕЯ ФИЛАТОВА

Москва
РОССПЭН

2014

УДК 316.7
ББК 60.56
М77

Рецензент

доктор исторических наук, профессор А. Б. Зубов

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией – Московским Центром Карнеги.

В книге отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Constructing and Deconstructing the Secular World.
Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/publications>.

Научно-техническое обеспечение – Кристина Кудлаенко.

Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко
М77 и С. Филатова ; Моск. Центр Карнеги. – М. : Российская политическая
энциклопедия (РОССПЭН), 2014. – 406 с. – (Религия в Евразии).

ISBN 978-5-8243-1901-9

В книге рассматриваются проблемы соотношения секуляристской тенденции и частичного демонтажа секуляризма, который наблюдается в некоторых странах и регионах, причем не только мусульманских. Предлагаемый читателю сборник статей, подготовленных на материале разных стран, носит дискуссионный характер. Данное издание – пятый том, подготовленный в рамках проекта «Религия в Евразии».

УДК 316.7
ББК 60.56

ISBN 978-5-8243-1901-9

© Carnegie Endowment for International Peace, 2014
© Российская политическая энциклопедия, 2014

Содержание Table of Contents

- 7 Об авторах
About the authors
- 9 Сергей Филатов. Русское православие, общество и власть во времена политической турбулентности. РПЦ после осени 2011 г.
Sergey Filatov. Russian Orthodoxy, Society, and the Regime During the Times of Political Turbulence. The Russian Orthodox Church After the Autumn of 2011
- 42 Борис Кнорре. Российское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права
Boris Knorre. Russian Orthodoxy. Post-Secular Institutionalization in the Realm of Power, Politics, and the Law
- 103 Роман Лункин. Христианские конфессии в российском обществе «традиционных религий»: неизбежное «зло» и символ десекуляризации
Roman Lunkin. Christian Denominations in Russia's Community of "Traditional Religions": the Inevitable "Evil" and the Symbol of Desecularization
- 171 Протоиерей Алексей Уминский. Христианская община и гражданское общество
Archpriest Alexy Uminsky. The Christian Community and Civil Society
- 185 Борис Дубин. Вера большинства
Boris Dubin. The Faith of the Majority
- 203 Елена Волкова. Религия и магия искусства: от художественной агиографии – к протестной акции
Yelena Volkova. Religion and the Magic of Art: from Artistic Hagiography to Protest

- 255 Олег Морозов. Легенды и мифы российской истории: историческая политика руководства Русской православной церкви в начале XXI в.
Oleg Morozov. The Legends and Myths of Russian History: the Russian Orthodox Church's Approach to History at the Start of the Twenty-First Century
- 323 Ирина Глушкова. «Эмоциональный поворот»: индуизм, ислам и другие религии в «республике оскорбленных чувств»
Irina Glushkova. "An Emotional Turn": Hinduism, Islam, and Other Religions in the "Republic of Hurt Sentiments"
- 362 Павел Шлыков. Направления и динамика процесса десекуляризации в Турции
Pavel Shlykov. The Vectors and Dynamics of Turkish Desecularization
- 403 Summary
Summary (in English)
- 405 О Фонде Карнеги
About the Carnegie Endowment

Об авторах

Волкова Елена Ивановна — доктор культурологии, независимый эксперт по религии и культуре.

Глушкова Ирина Петровна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра индийских исследований Института востоковедения РАН.

Дубин Борис Владимирович — руководитель отдела социально-политических исследований Аналитического центра Юрия Левады, заместитель главного редактора журнала «Вестник общественного мнения».

Кнорре Борис Кириллович — кандидат философских наук, доцент факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИИ ВШЭ), участник исследовательского проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России».

Лункин Роман Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, президент Гильдии экспертов по религии и праву, ответственный редактор журнала «Религия и право».

Морозов Олег Владимирович — аспирант факультета истории НИУ ВШЭ, участник исследовательских проектов «Энциклопедия современной религиозной жизни России» и «Культура университетской памяти в России: механизмы формирования и сохранения» (Центр университетских исследований ИГИТИ им. А. В. Полетаева)

Российское православие. Постсекулярная институционализация в пространстве власти, политики и права¹

Борис Кнорре

...Я уже публично говорил, что мне подняли церковные документы: с ты- сяча шестьсот какого-то года в 120—180 километрах от Москвы все мои родственники жили в одной деревне и триста с лишним лет ходили в одну и ту же церковь. Знаете, я это нутром чувствую — нутром чувствую свою связь с этой страной и с этим народом.

*Владимир Путин*².

Часть I. Утверждение православного дискурса внутри политической элиты

Идеи воцерковления политики и церковно-политическая проповедь в 1990-е годы

Не секрет, что возрождение православия, явившееся в последние двадцать с лишним лет наиболее заметной частью постсекулярного поступательного процесса в России, было связано не только с реабилитацией института церкви и возобновлением беспрепятственной церковной жизни, но и с респектализацией православия в глазах элиты, с разнообразными попытками Русской православной церкви Московского патриархата заручиться протекционистской поддержкой государства, получить определенные преференции. Сегодня эти преференции налицо, РПЦ очевидным образом все больше влияет на политику, власть открыто опирается на поддержку церкви и апеллирует к православным ценностям, в общественно-политической сфере выявляют себя новые феномены этой апелляции, появляются

новые в институциональном плане группы, разного рода православно ориентированные политические ассоциации. Процесс постсекулярного движения в лице православной религии порой настолько выходит за рамки ожидаемого, что далеко не все аналитики и общественные деятели соглашаются признавать системным явлением реальность многих позиций православия в социально-политическом пространстве. А спор между сторонниками расширения церковного влияния и оппонентами РПЦ показывает, что в обществе налицо довольно сильный когнитивный диссонанс касательно восприятия желательной и реальной роли религии в российской жизни.

В рамках такого положения вещей представляется целесообразным проанализировать, как проходил процесс возвращения религии в социально-политическое постсоветское пространство. Как православная десекуляризация отразилась на политическом пространстве, на самоосознании властных институтов в нашей стране? Привел ли он к появлению новых институциональных форм православно-го присутствия в общественном пространстве? Какие формы социально-политической активности вызвали к жизни респектализация православия и номенклатурно-православный консенсус? Насколько православная десекуляризация отразилась на формировании партий или движений, как вообще феномен постсоветского православия продолжает влиять на политику в России сегодня?

Подобные вопросы уже получили некоторое отражение в научной литературе. Если говорить о политических партиях, группах, организациях, движениях второй половины 1990-х — начала 2000-х годов, апеллирующих к православию или состоящих в той или иной степени из православных верующих, то этот феномен, обозначенный как «политическое православие», получил рельефное описание в работах Александра Верховского, одна из которых называется «Политическое православие в российской публичной политике. Подъем антисекулярного национализма»³, а также Анастасии Митрофановой⁴, Владимира Прибыловского и некоторых других исследователей. Но эти работы сфокусированы во многом вокруг проблемы националистических проявлений в церковной и ориентированной на православие среде,

что вполне закономерно в связи с внутренней спецификой политических предпочтений российского православия. Поэтому мы не будем подробно описывать субъекты «политического православия», соответствующие первой волне постсоветского православного ренессанса, а обозначим лишь те тенденции вхождения православия в российское политическое пространство, которые доказали свою последовательность и цельность с точки зрения сегодняшнего дня. Для нас важно также обозначить реперные точки и временные отрезки, показывающие закономерности поступательного постсекулярного движения в России, сакрализации определенных политических символов в рамках той модификации церковного дискурса, которая проявила себя в постсоветской России.

Так или иначе, процесс десекуляризации в российской политике и усвоения православного дискурса политиками связан отнюдь не только с последними годами и даже не с 2000-ми, когда многие чиновники стали обращаться к институту церкви и демонстрировать в публичном пространстве приверженность к православию.

Если говорить о церковных низах, о рядовом духовенстве и церковно-общественных деятелях, то их позиция касательно желаемой степени воздействия православия на российскую политику была разнородной. Но среди них выделялись наиболее активные популяризаторы, которые еще в 1990-х годах начали пытаться представить православие не просто как исторически значимую религиозную веру, но и как приоритетную часть российской культуры, которая должна служить *критерием «благонадежности» или даже релевантности того или иного чиновника идеалам российской государственности*. Симптомами такой стратегии православных общественников стала установка: «В такой стране, как Россия, министры и государственные чиновники должны быть православными». Ее озвучивали православно и почвеннически ориентированные представители новой элиты, поворачивавшиеся к церкви или просто симпатизировавшие ей, в частности, историк Владимир Махнач, председатель Союза писателей России Валерий Ганичев, бизнесмен Николай Маслов, кинорежиссер Николай Бурляев и др. Собственно церковным рупором оказалась радиопрограмма «Радонеж»,

организованная одноименным обществом, однако мало заметным тогда на общем политическом фоне. В 1995 г. в преддверии выборов в Государственную думу второго созыва ряд завсегдатаев радиопрограммы и деятелей, объединившихся вокруг общества «Радонеж», принимали активное участие в создании первой политической православной организации «Политическое православное совещание» (ППС), духовником которого стал настоятель храма Трех Святителей в Москве протоирей Владислав Свешников⁵. Своей основной задачей ППС провозглашало нравственный аудит политиков, избирающихся в Госдуму или просто предлагающих свою программу развития России. Конечно, существенно повлиять на политический климат ППС не могло, но сама заявка свидетельствовала, что церковно-общественные лидеры отнюдь не ограничивали свою жизненную роль лишь рамками церковной ограды.

На базе ППС в 1997 г. возникло общественно-политическое объединение национал-православной ориентации «Союз православных граждан» (СПГ). СПГ заявил, что его задача — «быть деятельным помощником всем носителям православного мировоззрения, участвующим в политике, осуществляющим государственную власть»⁶.

Московская патриархия имела в целом сходную, но более сдержанную стратегию. У церковного руководства позиция в определенном смысле была двойственной. Патриарх Алексей II не раз подчеркивал иноприродную по отношению к государству роль церкви, отмечая, однако, что отделение церкви от государства не означает отделения церкви от общества. Патриарх и высшие церковнослужители выдерживали относительно умеренную линию в отношении сближения с номенклатурой. Интересно, что РПЦ в начале 1990-х годов не решалась воспользоваться некоторыми преференциями со стороны государства, способными существенно расширить ее присутствие в российской жизни за рамками собственно религиозно-культовой деятельности. Например, Алексей II отказался от предложенной Борисом Ельциным полной реституции церковной собственности и церковных земель, испугавшись ответственности, которая легла бы на церковь за использование земельных пространств.

Однако среди церковного руководства и наиболее приближенного к церковной власти духовенства были и радевшие о гораздо большем расширении социально-политических функций церкви. С этой целью, во многом по инициативе РПЦ в лице митрополита Кирилла (Гундяева), был сформирован такой своеобразный орган, как «Всемирный русский собор», переструктурированный вскоре во «Всемирный русский народный собор» (ВРНС). По словам почетного директора Института Европы РАН Анатолия Красикова, «Всемирный русский собор» был задуман «как своего рода “приводной ремень” между РПЦ и светским обществом» и первоначально делал «ставку на союз с А. В. Руцким»⁷. ВРНС был создан после событий октября 1993 г. В его задачи входили налаживание координации РПЦ с властными и социально-политическими институтами, с политическими партиями, а также распространение православных мировоззренческих ориентиров на жизнь общества, причем не только в России, но и за рубежом.

Несмотря на идеологическое сходство в позициях СПГ и ВРНС, между ними не было тогда серьезного взаимодействия. Не было и симпатии у «православных граждан» к митрополиту Кириллу, так как в силу его экуменических контактов и образа воспитанника митрополита Никодима (Ротова) его окрестили экуменистом, увлекшимся диалогом с Западом. Но к началу 2000-х годов отношение к Кириллу изменилось, его стали рассматривать как «союзника», чему способствовали делавшийся им акцент на геополитические вопросы и разработка геополитической концепции под названием «православная цивилизация»⁸. Кроме того, как справедливо отмечает Александр Верховский, юбилейный собор 2000 г. ознаменовал поворот к сближению церковного руководства с умеренной частью консервативной внутрицерковной оппозиции⁹.

По мнению руководителя лонгитюдного социологического проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России» Сергея Филатова, стратегического успеха в установлении взаимодействия с политической элитой страны церковь добилась во время работы III ВРНС, состоявшегося в начале декабря 1995 г., перед самыми выборами в Госдуму. Его участниками были представители всех основ-

ных политических сил от Геннадия Зюганова и Владимира Жириновского до Григория Явлинского и Егора Гайдара¹⁰. Взаимодействие год от года продолжалось, обретая черты традиции, хотя все же носило фрагментарный характер. В 1998 г., однако, среди участников ВРНС можно было видеть не только лидеров политических партий, но и важных чиновников из аппарата правительства России, в частности, Андрея Логинова, председателя Госдумы Геннадия Селезнева и мэра Москвы Юрия Лужкова. Проявлением повышения рейтинга РПЦ в обществе и среди номенклатуры явилось принятие в 1997 г. закона «О свободе совести и религиозных объединениях», в котором РПЦ удалось закрепить за собой весомую преференцию и ограничить распространение приходов Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). Последнее в немалой степени было связано с административной поддержкой Московской патриархии на местах, когда местная власть становилась на ее сторону при спорах относительно определения юрисдикционной принадлежности храмов (при переходе церковных общин из РПЦ в РПЦЗ в начале 1990-х годов они старались сохранить за собой переданные им храмы, а местные епархии РПЦ стремились отбирать храмы у таких общин, чтобы лишить «конкурентов» религиозно-символического капитала).

И все же РПЦ на официальном уровне старалась не выходить за рамки «сдержанной стратегии» взаимодействия с государством. Московская патриархия в лице патриарха Алексия II постоянно делала оговорки относительно того, что «не дело Церкви давать рекомендации и советы по политическим и экономическим вопросам жизни страны, у Церкви другая задача»¹¹. Эти оговорки означали не что иное, как ответ на недоумения или даже попытки оправдаться перед определенной частью общества, мечтавшей, чтобы церковь активно включилась в процесс воздействия на политическую и экономическую сферы в России. То есть была достаточно весомая часть населения, которая ждала от церкви более активной политической позиции.

Та осторожность, с которой Алексей II высказывался в 1990-х годах, вполне объяснима. Политический истеблишмент тогда в большинстве своем не был настроен рассматривать церковь как серьезного союзника и партнера. Встречи

политиков и высокопоставленных чиновников с иерархами РПЦ имели в основном популистский характер, в то время как реальные пожелания церкви, например, относительно изменения демографической политики или политики в сфере СМИ, оставались без ответа. Борис Ельцин публично встречался с патриархом, преследуя имиджевые цели. Особенно такие встречи участились за год перед выборами 1996 г., когда доверие к власти упало до критического минимума, а доверие к церкви становилось все более ощутимым. Однако Ельцин вряд ли воспринимал церковь всерьез, а относился к ней скорее снисходительно-иронически, как к некоему народно-архаическому институту, имеющему условно-символическое значение. Даже в 2000 г. во время поездки в Иерусалим после ухода с поста президента он иронически заявил: «На Святой земле чувствую себя, как святой!.. Я еще святой президент!».

Тем не менее следует учитывать один важный момент. Дистанцируясь от влияния на политическую жизнь напрямую, церковь почти с самого начала постсоветской религиозной свободы стала налаживать взаимодействие с властью кулуарно. Основным стратегическим объектом ее миссии стал государственный, политический и экономический истеблишмент. Церковь стала ориентировать свою проповедь на чиновников, на правительственный аппарат. Можно назвать это VIP-миссией. Митрополит Кирилл проводил эту стратегию без излишних публичных деклараций. Открыто придерживаться такой стратегии он начал, лишь став патриархом. В своих встречах с духовенством в епархиях Кирилл не раз призывал священников обращать особое пастырское внимание на местную элиту, директоров предприятий, производителей, бизнесменов, чтобы заручиться их административной или финансовой поддержкой¹². В Отделе внешних церковных связей за время его возглавления Кириллом (еще в сане митрополита) были составлены списки с максимально подробной информацией буквально о каждом чиновнике, каждом человеке, который занимает какой-то пост в правительстве, чтобы не обойти их «миссионерским вниманием», поздравлять ежегодно с днем рождения, с Новым годом или какой-либо значимой датой. В рамках этой установки работает и система церковных наград и ор-

денов, которые раздаются в политических целях. Налицо явное стремление воздействовать на правительственный аппарат, чтобы заручиться его расположением, а значит, поддержкой, чтобы дальше проводить свою политику, пользуясь властными, административными рычагами.

Среди православных политических активистов тоже находились такие, которые ориентировались на эту стратегию. Это прежде всего касается упомянутого Союза православных граждан. Например, одной из задач ППС (центрального органа СПГ) было «православное миссионерство среди постсоветской политической элиты», как отмечал пресс-секретарь СПГ Кирилл Фролов, позднее создатель политизированной организации «Ассоциация православных экспертов». Не удивительно, что в итоге он стал близким соратником патриарха Кирилла, стараясь комментировать каждое слово, сказанное патриархом¹³.

Таким образом, уже применительно к 1990-м годам, т. е. к начальному этапу православного ренессанса, можно говорить о стратегии, направленной на то, что сегодня называют «публичной религией». В том православии, которое возрождалось после краха советской власти, достаточно быстро сформировались течения, ориентированные на отвоение общественного пространства для влияния, ведь политика, сфера власти и права несомненно являются не только важнейшей частью этого пространства, но и средоточием его координат. Само по себе желание церковных акторов воздействовать на российскую политику, власти и законодательные параметры может казаться во многом неестественным с точки зрения современной секулярной парадигмы, даже противоречащим сути самой религии, понимаемой как сфера индивидуального духовного опыта, который никто не вправе навязывать обществу на политическом или административном уровне. Однако это не совсем так. И православие, и католицизм, да и протестантизм тоже по большому счету не ограничивались сферой индивидуального опыта. Как замечает современный исследователь постсекулярных процессов Дмитрий Узланер, делая оговорку лишь относительно либеральной вариации протестантизма, «это были целостные мировоззрения, системы действия, для которых политическая и публичная составляющая были чуть ли не

основными», и справедливо указывает, что этот оттенок исследователи сегодня не случайно характеризуют как проявление «публичной религии»¹⁴.

Переход церковно-аксиологической риторики на государственные площадки

Миссионерская VIP-стратегия Московской патриархии стала давать качественно более ощутимые плоды в 2000-х годах, когда во главе российской власти встал Владимир Путин, начавший соотносить свой политический образ с православием через участие в праздничных богослужениях в храме Христа Спасителя и давший привилегии истеблишменту церкви (не отразившиеся положительно на реальном положении рядовых верующих) через повышение статуса патриарха до персоны федерального значения вплоть до обслуживания Федеральной службой охраны. Среди весомой части чиновников возникло нечто вроде «моды на православие». Именно в первой половине 2000-х годов среди высокопоставленных персон распространилось обыкновение отмечать православные праздники, окунаться в прорубь на Богоявление, в прессе запестрели сообщения о том, что чиновники соблюдают посты, а в кремлевской столовой организуется специальное постное меню. Формировалась определенная субкультура, которую можно обозначить словами «процерковная номенклатура» — православные или православно ориентированные чиновники и политики.

К 2000 г. православные общественные деятели начали в спорах с инославными напрямую апеллировать к понятию «национальная безопасность». Идея прочтения православия как *основы национальной безопасности России* развивается на протяжении всего времени правления Путина, хотя в начале 2000-х годов это выглядело довольно искусственно. Показательна позиция полпреда в Приволжском федеральном округе Александра Коновалова (позже министра юстиции России) — лейтмотивом его докладов на церковно-общественные темы стало утверждение православия как своеобразной основы национальной или духовной безопасности России.

Принципиальное отличие 2000-х годов от конца 1990-х состоит в том, что новая «симфония» церкви и государства

с церковно-общественных площадок, организуемых церковью, переносится на нецерковное пространство, и вопрос об отношении к православию ставится именно в стенах органов государственной власти.

В феврале 2006 г. генеральный прокурор Владимир Устинов, игравший не последнюю роль при Путине в борьбе с олигархами, выступил на открытии «Международных Рождественских образовательных чтений» с докладом «Утверждение духовности — основа возрождения России». Говоря о значении духовности для России, он высказался за то, что общество нужно лечить, в том числе и путем «...контроля за соблюдением стандартов поведения человека. Стандартов, которые исключают использование прямо или косвенно должностного положения в корыстных и иных личных целях»¹⁵. При этом генеральный прокурор уделил внимание проблеме кадровой политики государственной службы, заявив о необходимости ее соотнесения с таким понятием, как «чистота помыслов и сердца», которые тоже относятся к области, регулируемой нормативными актами¹⁶. Дефицит исполнения требований нормативных актов, по словам Устинова, должен был бы быть «...преодолен при условии, что и здесь будет поставлен духовный заслон, если все мы повернемся к истокам нравственности, к пониманию духовной природы правонарушений. Это даст нашему обществу лекарство для их одоления». Он также отметил, что «архиважно пастырское попечение о тех, кто находится на государственной службе», без чего не остановить «злой воли»¹⁷. То есть генеральный прокурор высказался за пастырское попечение чиновников. Идеи, высказанные Устиновым, можно рассматривать как своеобразное продолжение или развитие идей Православно-политического совещания и Союза православных граждан касательно помощи «носителям православного мировоззрения, участвующим в политике, осуществляющим государственную власть». Только в данном случае это уже заход с другой стороны — не привести православных в политику и государственную власть, а, напротив, сориентировать чиновников в сторону православия, задать новый критерий кадровой политики.

Рассмотрим, как церковно-политический дискурс переходил на светские площадки и какие формы он там при-

нимал. Прецедентом реализации церковно-политических идей в рамках прогосударственных идеологических проектов является создание православного сателлита движения «Наши» в 2007 г. — особого *молодежного «православного корпуса»*, т. е. своеобразного «православного комсомола». Но этот проект нужно рассматривать не столько как приобщение к религии, сколько как попытку воспитания молодежи с ориентиром на национальную культурную идентичность. Он был сформирован чисто светским почином (куратор — Борис Якеменко). В помощь проекту примерно в то же время была издана книга «Проект Россия. Выбор пути» (автор неизвестен) при поддержке «православного олигарха» Владимира Якунина и курируемого им Фонда Андрея Первозванного (фонд ориентирован на поддержку церковных акций и мероприятий, т. е. является одним из «провайдеров» православной десекуляризации). Несмотря на то что в рамках этой идеи удалось организовать несколько смен православной молодежи на озере Селигер, проект не получил системного продолжения в силу недоверия к нему со стороны самой церкви, где, по всей видимости, делиться субординацией не захотели или отшатнулись от фигуры Якеменко, но сама по себе идея осталась.

Попытки официально признать православие идейно-ценностной основой культурного и экономического развития России особенно характерны для 2010 г. Тогда одно из подразделений правящей партии «Единая Россия» (Центр социально-консервативной политики — ЦСКП) открыто проговорило стремление сделать упор на традиционалистский аспект в рамках мегапроекта «модернизации России» *со ссылкой на то, что консерватизм, опора на традицию должны быть политической стратегией России, чтобы обеспечить модернизационным процессам устойчивость*. Так, в феврале 2010 г. на заседании ЦСКП был принят документ, в котором о православии было сказано как о нравственной основе модернизации, потому что «этика Православия, неотъемлемую часть которой составляют ценности патриотизма, соборности, служения общему благу», лежит в основе «ценностного фундамента общества»¹⁸. Соответственно ценностная составляющая православия осмысливается как залог «успешного проведения системных реформ, развития корпоративной

культуры и роста национального благосостояния»¹⁹. Это не случайно, так как одним из идеологов ЦСКП оказался политолог Сергей Волобуев, организатор медиаресурса «Социальное богословие» и ряда церковно-общественных проектов, член Совета православных организаций при Синодальном отделе по взаимоотношениям церкви и общества протоиерея Всеволода Чаплина.

В 2011 г. уже не только в ЦСКП, но и на высшем уровне законодательной власти, в Госдуме, зазвучали слова о необходимости выбора некоего «свода ценностей, по которому нужно договариваться». Об этом сказала член президиума генсовета «Единой России» Ирина Яровая на встрече Всеволода Чаплина с депутатами Госдумы от этой партии. Она отметила: «Мы должны посмотреть на инициативу РПЦ с точки зрения наших традиций и культурной идентичности»²⁰. А весной того же года, как бы в ответ на слова Яровой, на XV Всемирном русском народном соборе уже специально для рецепции на уровне государственной политики был предложен конкретный вариант «базисных ценностей». С учетом целевой аудитории они оказались сформулированы не столько с прицелом на верующих, сколько вообще на традиционалистски ориентированных людей, для которых независимо от религиозности могут быть приемлемы «убеждения и нравственно обоснованные жизненные принципы»²¹.

Когда же в процессе предвыборной кампании 2011 г. партия власти и правящая элита оказались подвержены жесткой критике со стороны оппозиции, стремление Путина апеллировать к «традиционным ценностям», к «православию как к основе идентичности» было продемонстрировано уже недвусмысленно. Свидетельство тому — откровенная и однозначная поддержка введения учебных курсов традиционных религиозных культур в программы российских учебных заведений. Во время февральской предвыборной встречи с религиозными лидерами в Свято-Даниловом монастыре в 2012 г. Владимир Путин определенно высказался за присутствие традиционных конфессий в сфере образования, поддержав на самом деле прежде всего инициативы церкви по введению «Основ православной культуры» в школах в рамках курса «Основы религиозной

культуры и светской этики» (ОРКСЭ). Он отметил: «Важно, чтобы этот предмет в будущем не превратился в формальный ликбез, поэтому преподавать подобные дисциплины, конечно, должны хорошо подготовленные люди — это либо теологи, либо священники»²². Конечно, нужно учитывать, что это заявление было сделано в контексте предвыборной кампании. Однако в феврале 2011 г. появился проект нового федерального закона об образовании, где уже открыто было прописано, что *учебно-методическое обеспечение предметов теологической направленности* (на самом деле это достаточно широкий спектр) *должно закрепляться за соответствующими конфессиями*²³. Речь идет как о среднем, так и о высшем образовании.

Таким образом, налицо общественно-политический тренд, показывающий рост представлений о компетенции религиозных организаций в образовательном процессе, а фактически о включении их в этот процесс. Иллюстрацией такого тренда, в частности, стало то, что в Чувашии весной 2011 г. по инициативе епархии был организован отбор воцерковленных и посещающих храмы учителей, — соответствующее распоряжение главы Чебоксарской епархии митрополита Варнавы (Кедрова) было размещено на епархиальном сайте²⁴.

Имиджевый аргумент в пользу высокой политической компетенции православия в России тоже остался. Дмитрий Медведев, выступая на генсовете «Единой России», отметил, что партии власти следует стремиться «ассоциироваться с набором ценностей, за которые всегда будут голосовать», так как тогда она будет пользоваться поддержкой общества. Он разъяснил, что имеет в виду «традиционные для государства и общества ценности — с опорой на нравственность, с опорой на Церковь, но, принимая во внимание, естественно, существование у нас четырех основных конфессий»²⁵. Тут виден определенный утилитарный оттенок: использовать авторитет и значение православной веры для общества, чтобы подправить рейтинг правящей партии за счет апелляции к церкви...

Церковные категории в языке политического истеблишмента. Православная аргументация думских партий²⁶

Поскольку обращение к православию как к основе культурно- и национально-исторической идентичности сложилось в итоге в неотъемлемую составляющую идеологического мейнстрима политической номенклатуры в России, рассмотрим более детально, как церковные клише, этико-поведенческие и разного рода смысловые категории православия входят в лексикон политиков и высших чиновников, что они маркируют на языке политики. Наиболее очевидным образом это можно сделать по отношению к риторике парламентариев, рассмотрев их выступления, документы и полемику друг с другом.

Не будем судить в данном случае ни о личной религиозности парламентариев (в особенности доктринальной – выносим это за скобки), ни о том, насколько согласуется с православной традицией и христианскими смыслами употребление тех или иных клише. Мы исходим из посылки, что использование религиозных клише может порождать смыслы, весьма далекие от тех, которые свойственны самому религиозному институту по традиции, может порождать новую смысловую реальность, новое, в том числе и «религиозное», понимание. Тот факт, что употребление церковных клише в политике более всего обусловлено популистскими целями, не отменяет значимости «православного фактора» в динамике мировоззренческих ориентиров российского общества. Ведь включенность того или иного символического капитала в популизм говорит о том, что спрос на этот капитал в обществе есть, что цена активов достаточно высока. Иными словами, готовность обращаться к обществу на языке церковных образов свидетельствует о востребованности православия в широком жизненном диапазоне. Кроме того, стоит иметь в виду определенную востребованность этого языка в самом мире политики, коль скоро его используют.

По ходу развития своего социально-политического учения Русская православная церковь сама создала предпосылки для усвоения «церковного языка смыслов» на политическом уровне. Ведь помимо общих формул социальной концепции она разработала вполне конкретную геополитическую

тическую доктрину под названием «православная цивилизация» (или «русский мир»), о которой шла речь выше. Заметим, что геополитическая доктрина встречается в аргументации некоторых парламентариев. Например, геополитическое значение православия подчеркивает лидер ЛДПР Владимир Жириновский, заявляя, что православие — «не просто вера как глубокое чувство, которое могут испытывать наши граждане, но это признак цивилизации», центром которой является Москва²⁷.

Православной церкви также предлагается роль третьей стороны в политических спорах. Например, когда в Госдуме состоялась встреча депутатов фракции «Справедливая Россия» с представителями РПЦ, Николай Левичев отметил, что в обществе не осталось моральных авторитетов, которые могли бы быть третейскими судьями в области духовной жизни, нравственности, и подчеркнул: «Де-факто эту нишу начинает сейчас занимать действующий патриарх, который берет на себя не только духовную, но и общечеловеческую функцию»²⁸.

Здесь налицо феномен использования религии в качестве политического инструмента. Православие выступает как авторитетная система ценностей, она добавляет вес общественным принципам и идейным нормам, к которым апеллируют политики. На основе таких фактов можно сделать вывод о существовании особой субкультуры в православии — слоя православной или православно ориентированной номенклатуры. Пусть даже речь идет о принятии православия как основы культурной идентичности, не обязывающем к опыту личного осмысления Евангелия.

Рассмотрим, как отдельные церковные категории проговариваются в языке парламентариев.

Маркирование «сакрального» в политике. Как и в каких смыслах парламентарии используют сегодня термин «сакральное», какие явления в политическом дискурсе он приобретает, что им стараются обозначить, когда употребляют его в вариациях «сакральность», «сакральная жертва», «сакральное право избирателя» и т. п.?

Член фракции ЛДПР, председатель думского Комитета по связям с религиозными объединениями Ярослав Нилов (признающийся, кстати, в своей воцерковленности²⁹), на-

пример, предлагает иметь в виду сакрализирующее значение географических названий, отмечая, что они приносят сакральность в российскую жизнь «частотой своего использования». Если сакрализованными оказываются негативные с точки зрения депутата явления, они характеризуются как «кошунство» (это религиозное понятие он также использует). Например, «кошунственно» звучит Ленинградский вокзал, так как это название ассоциируется с плохим историческим прошлым, а также любые топонимы, если они связаны с именами лиц, «известных истории не с лучшей стороны»³⁰.

Представители парламентских фракций могут демонстрировать не только публичную причастность к церковным торжествам через участие в богослужениях в храме Христа Спасителя, но и подчеркивать личные отношения со священнослужителями. Так, Борис Грызлов, выражая скорбь в связи с кончиной Алексия II, с благодарностью вспоминал не только встречи с ним, но и советы патриарха и, главное, то, что он в ответ на высказанные идеи всегда получал у патриарха благословение³¹.

Фактор «духовничества». Не единичным феноменом становятся отношения политиков с духовниками. К рекомендации духовника чиновники или политики могут относиться как к обстоятельству, повлиявшему на принятие решений. Например, Станислав Буянский, заместитель прокурора Московской области с 2009 по 2010 гг., увидев шокирующий масштаб коррупции в областной прокуратуре, публично признал, что «принял решение об увольнении после общения со своим духовником, священником Владимиром Волгиным»³². Общеизвестно, что этот священник более десяти лет является духовником Дмитрия Медведева. Здесь уместно вспомнить и растиражированные СМИ слухи о духовническом руководстве наместника московского Сретенского монастыря архимандрита Тихона (Шевкунова) по отношению к Владимиру Путину³³. Хотя в традиционном церковном смысле такое руководство сложно представить, интересно, что сам Путин не опровергал этих слухов, что, как правило, делает, когда подобные разговоры бывают ему невыгодны. Протоиерей Андрей Кураев не исключает, что в понимании самого президента России его взаимодействие с о. Тихоном может осознаваться как отношения с «духов-

ником»: «...Он своему окружению мог сказать: “У меня есть духовный наставник”»³⁴.

Представители парламентских партий и политическо-го истеблишмента сегодня все же могут не только декларировать номинальную веру в Бога через участие в титульных «VIP-богослужениях» (церковных службах, совершаемых на Пасху и Рождество в храме Христа Спасителя, транслируемых по телевидению), но и апеллировать к категории «воцерковленности», декларировать личную «воцерковленность» или упрекать кого-либо в несоответствии его действий образу воцерковленного человека. «Воцерковленность» может, однако, употребляется в процессе политического диспута и в ироническом ключе, как отсылка к лицемерной религиозности: «Опомнитесь, коллеги!.. Постыдитесь и покайтесь — вы же все теперь, небось, воцерковленные!?»³⁵ (из доклада аналитического отдела ЛДПР).

В политическом лексиконе наблюдается рецепция и слова «молитва», которое употребляется, однако, в контексте достаточно расхожего узуса, как активное выражение солидарности и поддержки в отношении политических союзников. Жириновский, обращаясь к президенту Ирана Махмуду Ахмадинежаду в связи с землетрясением в его стране, заявил: «Немало россиян, мусульман и христиан, в своих молитвах будут обращаться к Всевышнему с просьбой упокоить души жертв землетрясения и дать силы выжившим, а также близким погибших, перенести трагедию и вернуться к нормальной жизни. Мы с вами, господин Президент, мы с иранским народом»³⁶. То есть, выражая солидарность с иранским народом, лидер ЛДПР подчеркивает именно *молитвенную поддержку* со стороны россиян. Молитва становится атрибутом выражения политической позиции в целом: «за кого-то мы готовы молиться, а за кого-то — нет»... Основные пункты своей программы ЛДПР вообще обозначила как «7 заповедей», показывая, что придает им сакральное, религиозное значение. Есть и другие примеры. Слово «молитва» может употребляться и как синоним стараний по проведению того или иного законопроекта в Госдуме, тех или иных политических инициатив³⁷.

Категория «благословение» также получила отчетливую импликацию в политическом языке, экстрапо-

лируясь на вполне светскую, внеконфессиональную сферу. Она может употребляться в качестве синонима одобрения и поддержки со стороны власти или какого-либо авторитета. Например, Жириновский маркирует словом «благословение» процедуру одобрения президентом кандидатур губернаторов. Отчет о встрече регионального партийного руководителя с Жириновским также назван «благословением лидера», политическая поддержка стран «восьмерки» маркировалась в качестве «благословения “восьмерки”» членами КПРФ³⁸ и даже санкция директора сиротского приюта на усыновление на партийном языке «Справедливой России» звучит как «благословение директора»³⁹.

Парламентарии могут сакрализировать светские документы риторикой и казуистикой, отсылающими к важнейшим (и, что немаловажно, самым узнаваемым) библейским категориям. Так, лидер «Справедливой России» Сергей Миронов, выступая на XVI Всемирном русском народном соборе, сказал: «Еще хочу сказать об одном. Мы с вами помним, что Евангелие от Иоанна начинается фразой: “В начале было Слово...”. И это действительно не только духовная основа. У нас на Руси всегда от слова очень многое зависело. У нас есть федеральный конституционный закон о наших национальных символах»⁴⁰. Здесь ссылка на Священное Писание не имеет никакого содержательного смысла, но придает «закону о наших национальных символах» сакральный статус чего-то фундаментально важного и изначального, примордиального, каков статус «Слова» в Евангелии от Иоанна.

Наконец, встречаются слова, показывающие, что политики могут апеллировать к категориям из узкой церковной субкультуры. Так, координатор районного отдела ЛДПР, говоря о необходимости восстановления разрушенного в советское время храма, обосновывает это не архитектурной или эстетической ценностью, а тем, что в нем «каждый кирпич намолен» и от него «сходит особая благодать»⁴¹.

КПРФ также использует в своей фразеологии церковно-аскетические категории. Например, напоминания либерально ориентированных деятелей о жертвах сталинизма коммунисты предлагают рассматривать не как искреннюю печаль о жертвах, а как заботу «либералов» о своем «своеволии» (т. е. вседозволенности в понимании данного дискур-

са). «Я не могу поверить, — говорит коммунистический наблюдатель, — что Парфенов с Пивоваровым действительно скорбят о “невинных жертвах” сталинизма. Нет, их заботит совсем другое — *они боятся потерять свое греховное своеволие, которое лукаво именуют свободой*» (курсив мой. — Б. К.)⁴². В проговаривании такого понятия, как «греховное своеволие» (как бы ни пытаться объяснять это имиджевыми и популистскими мерами), есть прямая апелляция к церковной аскетике. Факт ее использования в политической аргументации означает, что не просто клише церковного этоса, но и сам церковно-аскетический язык может работать на политический капитал, т. е. может быть политически значимым для современной России.

Встречается и аргументация, построенная на противопоставлении «гордыни» и «смирения». Например, Сергей Миронов в преддверии президентских выборов 2012 г. заявил: «Если понимать власть как долг, миссию и служение, то тогда смирение совершенно необходимое качество для руководителя, потому что *смирение — это качество очень сильного человека. А гордыня — признак слабости и ущербности личности...* самое главное сегодня для человека на руководящей должности — нравственное отношение к политике» (курсив мой. — Б. К.)⁴³.

Экономя время читателя, не будем приводить прочие примеры употребления парламентариями и высшими чиновниками церковных клише, терминов, категорий. Отметим лишь, что среди них наиболее часто встречаются такие: «грех», «смирение», «искушение», «заповеди Декалога», к которым прибегают парламентарии во время думских дискуссий, причем употребляя эти слова в развернутой типологизации, взятой из церковного контекста. Последнее показывает, что церковные категории усвоены ими на уровне неких когнитивных образов. Это, разумеется, не предполагает евангельской этики или доктринальной религиозности, но указывает на знакомство части номенклатуры с ритуализованными элементами религии, если, например, брать знакомство истеблишмента с «институтом духовничества», «намоленные кирпичи», «особую благодать» и пр. Можно в качестве предположения отметить, что налицо декларирование тех религиозных предписаний, которые

связаны с габитусом церковной субкультуры как особой социальной группы, и православно ориентированная часть российской номенклатуры являет собой тоже своеобразную субкультуру со многими другими традициями, привычками, которые, как представляется, было бы интересно описать. Акцент внимания номенклатуры к ритуализованным элементам (даже если он не сопровождается доктринальной религиозностью) вряд ли ослабляет позиции православия в России, как может иной раз показаться. Значимость ритуализованной стороны в религии пожалуй, недооценивается сегодня в оценке постсекулярных процессов, что характерно не только для России. Такая недооценка ошибочна, о чем, в частности, пишет Брайан Тёрнер в статье «Религия в постсекулярном обществе»⁴⁴. Он не случайно приводит слова антрополога Мэри Дуглас, которая, говоря о западном обществе, отмечает, что там религия «слаба не потому, что она философски непоследовательна, а потому, что она оказалась деритуализированной, оторванной от религиозного календаря и отрезанной как от жизненного цикла человека, так и от годового сельскохозяйственного круга»⁴⁵.

Часть II. Православие в политике за рамками «кремлевской обоймы»

Несколько предварительных слов
о фундаменталистской матрице

Поговорим о тех субъектах «политического православия», которые занимали в процессе уже почти 25-летнего православного возрождения «мироотвергающую линию» (если воспользоваться терминологией Игоря Кантерова), более того, проявляли определенную оппозиционность к церковному руководству и в еще большей степени к светским властям. Прежде всего это националистически ориентированные православные и околоцерковные группы и сообщества, которые соотносили свою политическую идентичность с монархическими идеями. Их иногда называют православными (вернее сказать — православно-политическими) фундаменталистами. В данном случае можно согласиться с пониманием «фундаментализма», предложенным Александром

Верховским в работах, посвященных феномену «политического православия». Он отмечает, во-первых, что «суть фундаментализма состоит в стремлении противостоять модернизации и защищать традиционализм», при этом «не отвергая... социальные инструменты модерна (медийные, политические и другие)», во-вторых, что «фундаментализм стремится построить тотальное общество возрожденной — под лозунгами возвращения к корням — религиозности», в-третьих, что в данном случае речь идет об оппозиции не только секулярной и модернизирующей общество светской власти, но и большинству самого общества, что важно учитывать для понимания данного раздела. Наконец, в-четвертых, фундаментализм предполагает, как правило, «достаточно напряженное милленаристское и манихейское восприятие окружающего мира, в том числе — наличие особо значимого внешнеполитического врага»⁴⁶.

Нужно, однако, иметь в виду, что сами субъекты «политического православия» меняются, теряя или приобретая те или иные признаки «фундаментализма». При этом в течение всего времени возрождения церковной жизни в России политическая мотивация в церковно-общественной или ориентированной на идентичность с православием среде была достаточно сильно связана именно с фундаменталистской матрицей. И эта матрица представлялась в непривлекательном для большинства общества и самого церковного руководства виде. Фундаменталисты долгое время в основном отвергали возможность диалога с политической элитой, считая ее «отступнической» по определению. Возрождение России и ее выход из кризиса они не готовы были связывать с каким-либо политическим режимом, кроме монархии. С точки зрения монархистских идеалов советская власть представлялась богоборческой, запятнавшей себя убийством императора Николая II, соответственно, это пятно распространялось и на политический режим Ельцина как преемника советской власти.

Убийство Николая II и царской семьи многие монархисты и фундаменталисты в целом рассматривали как неправимую катастрофу, как воплощение новозаветного пророчества о «тайне беззакония», содержащегося во «Втором послании к Фессалоникийцам» апостола Павла: «Ибо тайна

беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят удерживающий теперь» (2 Фес. 2, 7–9). Общепринятым для российских православных монархистов стало соотнесение «удерживающего теперь» с фигурой последнего русского монарха. Соответственно отмена института монархии в России рассматривалась как начало катастрофы эсхатологического масштаба или даже предвстие апокалипсиса.

Политическую, а также геополитическую реальность многие православные фундаменталисты видели в тех самых манийхейско-милленаристских тонах с непременным при-внесением разнообразных элементов теории заговора. Действенными силами истории оказывались некие невидимые «внешние силы», либо «масонский заговор», либо «мировая закулиса», либо все это вместе взятое. Россия рассматривалась как жертва «внешних сил», поплатившаяся из-за своего мессианского призвания, из-за того, что, будучи главной носительницей православия, сопротивлялась разрушительным регрессивным метаисторическим процессам. Разумеется, весь набор идей, которые можно обобщить понятием «теория заговора», в сознании его носителей сопровождался такими феноменами, как изоляционизм, реваншизм, ресентимент, идиосинкразия по отношению к Западу, который обвинялся в принятии «антихристовых сил».

Наиболее популярными книгами, представлявшими зарисовку исторического и геополитического места в России в 1990-х годах, были «Россия перед Вторым Пришествием» и «Энциклопедия российской цивилизации» Олега Платонова. Влияние на формирование фундаменталистской культуры в православных кругах имели труды митрополита Иоанна (Снычева), которому большинство книг помогал писать его референт Константин Душенов. Хотя митрополит Иоанн и допускал перспективу положительного политического будущего России вне монархии, однако во многих его книгах самодержавие воспевается как некий высший бытийный принцип, более того, именно в его работах была сделана попытка апологии Ивана Грозного как наиболее «благочестивого» и «последовательного» самодержца. Соответственно проповедовались все те же свойственные фундаменталистам изоляционизм, реваншизм, ресентимент как

неотъемлемые составляющие оборонно-изоляционистского взгляда на мир. Для этой группы характерен мессианский взгляд на русский народ и окрашенные в мистические тона воззрения на историю, сконцентрированные в остром ощущении противоборствующих «тайных сил зла», и многое другое, характерное для «теории заговора». В рамках данной статьи не имеет смысла углубляться в эту тему, тем более что о постсоветских *монархических* православных течениях написано немало работ⁴⁷.

Разумеется, православные фундаменталисты не представляли собой монолитную группу, более того, они серьезно расходились по разным вопросам, и перечисленные выше черты были характерны для них в разной степени. Но, так или иначе, священноначалие РПЦ все время дистанцировалось от них (если только в какой-то момент не удавалось их «приручить»), понимая, что они мешают устанавливать реальные дипломатические мосты с государством. На этом фоне выигрывали не только прагматисты, которые открещивались от мистико-феерических образов видения мира, о чем шла речь в предыдущих разделах, но и некоторые либерально настроенные группы церковного сообщества. В контексте отвержения монархическо-мистифицированных идей священноначалие готово было порой даже воспользоваться либеральной критикой, звучавшей в адрес разного рода обскурантов. При этом фундаменталисты, православные националисты долгое время оставались в стороне от политического влияния на российскую элиту, и трудно было представить, что их идеи смогут распространиться даже среди церковного социума, обычных православных верующих и тем более церковного руководства.

«Аристократический национал-патриотизм»
Охлобыстина и респектабилизация православно-политического фундаментализма

Об этапе респектабилизации имеет смысл говорить применительно ко времени предвыборной кампании конца 2011 – 2012 г., когда под конец четырехлетнего президентского срока Медведева в российском обществе снова стали подавать голос силы, готовые по-новому предложить свои «политические проекты», фактически десять лет спустя

после нивелирования многопартийной системы с наступлением эры Путина.

Запрос на православно-националистический фундаменталистский проект был продемонстрирован на примере нескольких объединений, заявивших (или напомнивших) о себе главным образом в 2012 г. Однако еще раньше иллюстрацией этого запроса стали своеобразное выступление священника Иоанна Охлобыстина, презентовавшего идеологический манифест под названием «Доктрина-77» и обозначившего свои идеи как «аристократический национал-патриотизм», а также последовавшая реакция и некоторые следствия его выступления.

То, что указанная презентация проходила в виде своеобразного перформанса, арт-проповеди в шутовской манере, не отменяет ее общественно-политического значения. Собрав несколько тысяч человек на стадионе «Олимпийский», Охлобыстин в несколько юродской, панк-артистической форме проговорил прямо и без реверансов несколько вещей, которые считались не очень политкорректными или не отвечающими правилам респектабельности политического истеблишмента, т. е. как раз те фундаменталистские клише, которым свойственны были мистико-апокалиптическая окраска и «теория заговора». Охлобыстин открыто признал, что является сторонником «теории заговора». Таким образом, его «аристократический национал-патриотизм» — не что иное, как фундаментализм, причем в наиболее радикальном конспирологическом виде. Сам по себе Охлобыстин представляет собой гибридный, можно сказать, симбиотический образ. Он сочетает в себе ампула шоумена, креативщика и священника, но выявляет себя как радикальный православный фундаменталист в эпоху постмодерна, в частности, он приемлет известный радикалистский лозунг — *«православие или смерть»*, с которым афонские монахи отбивались от константинопольской полиции, но сегодня этот лозунг взят на вооружение именно российскими фундаменталистами. С этим лозунгом даже связано судебное разбирательство на предмет экстремизма. Охлобыстин заявил, что носит футболку с этой надписью и будет ее носить, даже если сам лозунг признают экстремистским. При этом он играет по всем правилам нынешнего потребительского

общества, пользуется консумпционистскими ресурсами, но при этом проповедует необходимость отказа от ценностей мира потребления. Собственно, его статус и позволил ему озвучить сугубо религиозные максимы на традиционно светской площадке перед несколькими тысячами слушателей, что получило развитие в православной и державно-националистической среде.

Начав свою речь с цитаты из митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева), Охлобыстин стал приводить «пророчества старцев» в качестве аргумента, обосновывающего необходимость политических предпочтений или решений, разъясняя, что и как «старцы» предсказали в отношении России. Перед окончанием речи он вновь вспомнил митрополита Иоанна и возгласил: «Учитель мой, Иоанн Ладожский, помяни меня в своих молитвах!»⁴⁸. Здесь налицо попытка добавить вес политической проповеди с помощью привлечения сакральной религиозной риторики.

Охлобыстин наполнил свою речь словосочетаниями и клише из лексикона церковной субкультуры, часто национально окрашенными, исполненными в алармистских военно-апокалиптических тонах: «яд бездуховности и религиозного одичания», «русские пророки», «наступает время последних приготовлений», «последняя битва», «пусть наши дети растут в обществе, культивирующем апокалиптический максимализм», «горе нам, если мы будем бессильны»⁴⁹. Эстетизированная апокалиптика, да еще в сочетании с лозунгами из арсенала социальной критики, — хороший политический ресурс, по крайней мере во время кризисных ситуаций и переходных политических этапов, способный эффективно воздействовать на сознание людей. О религиозности говорит и один из разделов «Доктрины-77» — «Сакральное “или — или”», который Охлобыстин связывает исключительно с Русской православной церковью, подчеркивая «величественность и бескомпромиссность ее позиции», отрицающей возможность «спасения» человека вне ее границ... «Несть спасения вне Православной Церкви! И ВСЕ! Никаких малодушных оговорок о призрачных альтернативах личного выбора. Его нет! Есть суровая реальность окружения мира, где правит князь мира сего — дьявол! Вот почему православие так

пришлось по душе русскому человеку» (курсив мой. — Б. К.)⁵⁰. То есть охлобыстинское «или — или» предлагает усмотреть в самой церковной традиции месседж черно-белого видения мира (более черного, чем белого) и всячески подчеркивает его привлекательность.

Важный момент, которые озвучил в своей речи Охлобыстин, — это своеобразный военно-апокалиптический максимализм. Здесь происходит реанимация военно-алармистской апокалиптической риторики, характерной для православных монархических групп 1990-х годов. Именно в устах Охлобыстина в Лужниках эти монархические апокалиптические ноты о «последних временах» и «последних приготовлениях» к великой битве были произнесены прямо и недвусмысленно. И вместе с ними особым образом прозвучала военно-триумфалистская составляющая: «мы созданы для войны», а также некоторые предложения в прогрессистских тонах из технотронной эпохи, например, «генетическое конструирование идеального бойца».

Однако военное преломление своего «аристократического национал-патриотизма» дало возможность Охлобыстину по-новому прочесть (и огласить!) упомянутый слоган «православие или смерть», сформировать не только образно-символический, но и вполне конкретный, ядерно-катастрофический сценарий своего «или — или». В один из моментов озвучивания своей доктрины Охлобыстин заявил: «...Тогда у нас не останется другого выхода, как уничтожить весь остальной прогнивший насквозь пороками и равнодушием мир и покончить с собой в надежде, что из чудом уцелевших человеческих особей появится, наконец, новое, лучшее человечество. Только так нас простит Бог»⁵¹. Заметим, что проговаривание возможной гибели во всемирной ядерной катастрофе как варианта, который может быть осознанно выбран, не случаен в контексте воззрений официальных спикеров РПЦ. Например, протоиерей Всеволод Чаплин еще за несколько лет до того отмечал, что «для многих верующих вечная жизнь их души гораздо более важна, чем временная, а потерять ее в результате порабощения иноверцами и атеистами намного страшнее, чем погибнуть в результате ядерной войны»⁵². Но конспирологические теории тогда никто всерьез не принимал. Всеволод Чаплин

и сегодня заявляет, что «христианин должен быть готов пожертвовать не только своей, но и чужой (sic! — Б. К.) жизнью ради защиты веры, святынь или Отечества».

Симпатизанты Охлобыстина предпочли не заметить его слова об уничтожении мира на фоне общей мировоззренческой поддержки священника-шоумена. Он выразил и более позитивное, чем ядерная катастрофа, видение будущего России: «Мы заново соберем нацию, ту, которой здесь все принадлежит! Мы создадим новое национальное общество, большую семью, Империю, в конце концов!», аргументируя такой прогноз тем, что «это предсказывали старцы!»⁵³. Большой акцент Охлобыстин сделал на национальном вопросе — опять-таки в пандан тому, как это проговаривалось в 1990-х годах в православных монархических кругах. В частности, он сказал об отсутствии графы «Национальность» в паспортах: «Наше отсутствие документально зафиксировано... Паспорта-то по-прежнему национальность не регистрируют. Что мешает? Понять не могу»⁵⁴. То есть на поверхность о. Иоанн вынес совсем не разбавленный реверансами церковно-охранительный монархическо-имперский дискурс.

Классифицируя представленный Охлобыстиным православно-политический фундаментализм с точки зрения культурных парадигм «oppression» и «empowerment»⁵⁵, можно отметить, что представленная им парадигма во многом коррелирует с опрессивными этико-поведенческими установками, присутствующими в культурной модели российского православия, особенно в его постсоветском варианте, хотя, конечно, не исчерпывается ею. Может показаться, что это не так, но осмелимся предположить, в частности, что социокультурные установки и стереотипы поведения⁵⁶, ориентированные на недоверие к индивидуальной человеческой воле, приоритет внешнего администрирования над самоорганизацией, стилистически декларируемое самоуничижение и «культуру вины» в целом, побуждают к компенсации личного самоумаления через возвеличивание социальной системы, традиции, института, нации, в том числе и путем демонизации окружающего мира. То, что осуждается применительно к индивидууму, наоборот, поощряется применительно к социальной группе, корпорации. Например, если личное самоутверждение для человека — грех, то корпора-

тивное самоутверждение (и даже гордость), наоборот, оказывается добродетелью и т. п.

Речь Охлобыстина была воспринята по-разному: звучали оценки от резко положительных до резко критических. Но для церковной пропатриотической консервативной аудитории она сработала, как спусковой крючок. Напрямую никто не стал заявлять о поддержке Охлобыстина, но результатом явилась легитимация использованной им риторики как того, что может звучать на политических площадках. Это было усвоено рядом партий, заявивших о себе в тот период. А вокруг личности самого Охлобыстина были созданы сетевая партия-структура «Коалиция Небо» и движение апологетов идеи «аристократического национал-патриотизма», нашедшее сторонников примерно в двадцати регионах России.

С церковной стороны восприятие почина Охлобыстина оказалось неоднозначным. Церковное начальство дало понять, что не одобряет его намерения баллотироваться в президенты, напомнив, что священнослужители согласно церковному постановлению 1993 г. не могут участвовать в профессиональной политической деятельности и занимать посты в органах государственной власти (в связи со случаем Охлобыстина Синод осенью 2012 г. принял дополнительное постановление, запрещающее священникам заниматься политической деятельностью, так как Охлобыстин, отказавшись от возглавления движения, продолжал признавать себя его «духовником»).

Охлобыстин не решился как-либо отстаивать свое право перед лицом церковного начальства, однако в РПЦ нашлись серьезные сторонники политических идей священника-шоумена. Ответственный в то время за связи РПЦ с силовыми ведомствами протоиерей Дмитрий Смирнов во время личной встречи заявил Охлобыстину: «Вы слишком рано отказались от попытки баллотироваться в президенты». Отец Дмитрий провел осенью 2011 г. полуторачасовую беседу с Охлобыстиным для публичной презентации в своем видеоблоге, где выразил ему однозначную поддержку, одоблив его стремление защищать интересы православных верующих во власти.

Нужно сказать, что Охлобыстин после первой реакции со стороны Синода не прекратил политическую деятель-

ность, напротив, в разных регионах страны стали формироваться региональные отделения политических групп и сообществ, группирующихся вокруг «Доктрины-77» и идей «аристократического национал-патриотизма» (численность сторонников этих идей составила к концу 2011 г. уже несколько десятков тысяч человек). А весной, уже после того, как президент Медведев предложил снизить планку для регистрации партий с религиозным признаком, Охлобыстин оформил движение своих политических последователей в партию «Коалиция Небо».

Православие и новое партстроительство

После заявлений Медведева о предполагаемом упрощении регистрации партий начали появляться новые политические организации, связывающие себя с православием. Собственно, и официальный спикер РПЦ протоиерей Всеволод Чаплин в январе 2012 г. выступил с предложением создавать православные политические движения, которые, по его мнению, должны отстаивать национальные интересы России. И таковые действительно вскоре возникли. Наиболее известные среди них: Народная партия большинства Виктора Аксючица, партия «Народное движение “Святая Русь”» во главе с бизнесменом Василием Бойко-Великим, Православная социалистическая партия, Партия православной справедливости, Партия десяти заповедей (ее организовали протестанты, тем не менее она ориентировалась на консолидацию с РПЦ). Кроме того, появилось межконфессиональное христианское объединение — Российский христианский общественно-политический союз (председатель — Олег Чижов), поддерживающее, однако, свойственный православно ориентированным объединениям консенсус дружественного отношения к патриарху Кириллу. Союз выразил солидарность с патриархом и готовность защищать его от антиклерикальных выпадов перед лицом секулярного светского мира.

Все сформированные партии обладают некими общими чертами.

По крайней мере в двух из них воспроизведен церковный неофитский и отчасти фундаменталистский дискурс, наиболее популярный в церковно-приходской субкультуре 1990-х годов, когда духовники призывали прихожан жить мо-

литвенным ожиданием чуда, в том числе чудесного избавления России от нравственной и культурной дезориентации, предлагая своеобразную модель гомогенного общества.

Так, для Народной партии большинства характерна позиция, предлагающая в жизни ориентироваться на чудо: «Россия гибнет, спасти нас может только Бог». Свой политический теоцентризм идеологи партии сразу стали обосновывать в алармистских тонах: «...Деградируют: нравственность, наука, культура, образование, промышленность, армия, здравоохранение, государственные институты... Деградация всего и вся, а главное, человека зашла так далеко, что очевидно, что своими — человеческими — силами нам не спастись». А поскольку «Бог насильно никого не спасает», то «нам не остается ничего иного кроме подвига, преображения себя, “хождения по водам”, пламенной молитвы», — так было сказано во время одной из встреч партийного актива. Каждому члену партии предлагалось включить в свое ежедневное молитвенное правило несколько молитв о России, русском народе, увеличении любви, написанных в разные кризисные периоды российской истории. То есть *молитва была поставлена в качестве действенного элемента политической партийной практики*, что выказало Народную партию большинства действительно религиозной, а не только лишь использующей религиозный капитал ради политического рейтинга. Налицо, однако, оказалось частичное воспроизведение дискурса бестселлера православных апокалиптиков «Россия перед Вторым Пришествием».

Поэтому в качестве одной из задач была прописана «защита жизненных интересов Церкви и православных христиан, всех традиционных религиозных конфессий в России». Среди других задач партии — установка на традицию, стремление апеллировать к прошлому, больше соответствовавшему гомогенному обществу, чем настоящее: «возродить погребенные и забытые российские религиозные, культурные, общественные, государственные и хозяйственные традиции тысячелетней российской цивилизации». Однако партия не смогла обеспечить себе самостоятельное независимое существование, оставшись лишь сообществом единомышленников, поддерживающих виртуальные страницы в социальных сетях. Инициатор попытки ее создания Виктор Аксючиц

в итоге вошел в актив партии «Родина» (председатель — Алексей Журавлев)⁵⁷, став членом ее политсовета.

Партия «Народное движение “Святая Русь”»⁵⁸ в еще большей степени ориентирована на архаику, в частности, на монархическое сознание. В ее религиозных предпочтениях — царебожничество, опричные симпатии и почитание во святых Ивана Грозного. Бизнесмен Василий Бойко-Великий, руководитель холдинга «Русское молоко», представляет собой необычный вариант православного бизнесмена-фундаменталиста, он ввел определенные правила этического поведения для своих сотрудников в соответствии с «Домостроем»: требует от живущих в гражданском браке венчаться, а также все его подчиненные должны обязательно пройти курс «Основ православной культуры».

Партия десяти заповедей⁵⁹ в отличие от остальных упомянутых партий в определенной мере попыталась ориентироваться на демократические ценности, подчеркнув в своих программных документах значимость человека в общественно-политическом пространстве («объединение частных людей», «отстаивание прав каждого человека на свободу совести и вероисповедания»), в то время как остальные в целом игнорировали этот момент. Идейный посыл партии представляет собой своеобразный синтез. По словам ее создателя Сергея Мезенцева, председателя совета Христианского общественного движения «Благодатная Россия», «“Партия десяти заповедей” должна быть консервативной (опираться на “вечные ценности”), реформистской (изменять общественную жизнь), народной (отвечать запросам всех граждан), демократической (“включать ценности христианской и исламской демократии, объединять представителей различных религий и неверующих, сторонников республиканской и конституционно-монархической форм правления”)»⁶⁰. Цели этой партии ориентированы в первую очередь на граждан. Среди них, в частности, «политическое образование и воспитание граждан, формирование политической и правовой культуры в обществе». Своеобразие Партии десяти заповедей объяснить нетрудно — хотя ее сформировали протестанты, но, будучи настроена дружелюбно к РПЦ, она координировала свою деятельность с Синодальным отделом по взаимоотношениям церкви и общества. Как и другие, эта

партия не проявила себя сколько-нибудь существенно на политическом фронте.

Православие и неосоветизм: отказ от «атомарного человека» как ресентимент патриархального мировосприятия

Среди новых партий, соотносящих свой императив и общественно-позиционную установку с РПЦ, в 2012 г. выделилась партия «Новая Великая Россия» (НВР), позже переименованная в «Великое Отечество» (ПВО). Ее организовали писатель и политолог Николай Стариков, православный специалист по информационным технологиям Игорь Ашманов и Александр Куринов на базе созданного годом ранее Стариковым Профсоюза граждан России (ПГР). Поэтому Стариков говорит о ПВО (двусмысленность такой аббревиатуры, ассоциирующейся с противовоздушной обороной, ему нравится) очень часто в связке с ПГР, программы обоих объединений очень похожи. Более того, Стариков рассматривает ПГР как особый формат партийного сотрудничества, чтобы можно было привлекать людей из разных партий на «общественных началах» с перспективой перехода в ПВО, так как по закону одновременное членство в нескольких партиях невозможно. ПВО-ПГР с православием объединяет несколько позиций.

Стариков и Ашманов весной 2012 г. были удостоены видеобеседы «под часами» у протоиерея Димитрия Смирнова⁶¹, т. е. партия Старикова таким образом получила серьезную, в том числе и политическую, поддержку, поскольку Смирнов — один из неформальных православных лидеров (см. выше о значении его видеоблога и формата «бесед под часами»).

Вместе со Смирновым Стариков разделяет важнейшую антропологическую концепцию восприятия западного общества и человека в его рамках. Речь идет о своеобразной характеристике под названием «атомарный человек» — она довольно популярна в православных национал-патриотических кругах и обозначает их представление о человеке, поступающем в рамках западного либерально-демократического тренда. Суть «атомарного человека» в подобном контексте состоит в том, что он, будучи сконцентрирован на своих интересах и правах, не может быть по определению частью целого, в том числе не может по-настоящему войти в церковь,

а значит, обречен культивировать свою греховность. Во время беседы Смирнова и Старикова оба сошлись во мнении, что «атомарный человек» основывает свое отношение к миру на индивидуальном выборе, что не способствуют идейной общности, и в итоге нарушает «замысел Бога об Адаме, в котором едины все последующие потомки». «Замысел Бога о человеке предполагает его общность друг с другом, поэтому атомарный человек, нарушающий этот замысел, уподобляется бесам... что на Западе и происходит. Поэтому Западный либерализм сегодня – это воплощение бесовских сил»⁶², – отмечает протоирей Димитрий Смирнов.

Так как Россию и русский этнос Стариков считает главным в противостоянии «атомарности», он, как и консервативные православные священники, выделяет националистический фактор – подчеркивает особую роль русского этноса как государствообразующего, рассматривает его культурную самобытность в качестве залога единения сообщества славянских народов. В этой позиции есть прямая параллель с доктриной «русского мира». В частности, в одном из программных документов Стариков заявляет о поддержке русскоязычного населения за пределами России, а также о том, что организаторы ПГР кроме восстановления единого экономического и политического пространства в рамках Таможенного союза выступают «сторонниками экономической, культурной и духовной интеграции соотечественников, вне зависимости от страны проживания», т. е. в ПВО прописаны вещи, очень сходные с задачами собирания «русского мира», провозглашаемыми патриархом Кириллом.

Кроме того, НВР с православием стратегически роднят еще несколько задач: противодействие ювенальной юстиции, неприязнь к либерализму, к свободным неподконтрольным СМИ, к меньшинствам и т. п., т. е. в целом весь набор современной антилиберальной патриархально-консервативной парадигмы. К этому примыкает также подчеркиваемый церковью «запрет пропаганды разрушения семьи, нравственности и религиозности, пропаганды получения прибыли любой ценой»⁶³. В 2013 г. в партии Старикова появилась отдельная позиционирующая себя процерковно фракция – к ПВО-НВР присоединились активисты из организации «Народный собор», возглавляемой Владимиром Хомяковым.

Однако у Старикова заметна явная приверженность к советскому прошлому, он, отчасти сохраняя правую позицию, пытается проводить идею преемственности имперского развития России от дореволюционного времени к сталинскому, минуя «предательский» период большевистской революции. Поскольку Стариков активизировал деятельность по поддержке партии власти после протестов оппозиции 2011—2012 гг., его называют даже «кремлевским клоном». Консерватизм и изоляционизм Старикова представляют собой, конечно, не дореволюционный имперский, а советско-имперский реваншизм. «Проекты» Старикова говорят сами за себя: «Вернуть имя Сталинград», «Суд над Горбачевым», а последняя его монография «Сталин: вспоминаем вместе» посвящена апологии диктатора. В целом книги Старикова направлены главным образом на разоблачение перестроечных процессов и последующих двадцати лет постсоветской эпохи. Но слишком явные советские предпочтения так или иначе разводят Старикова с православными монархистами. Как таковой инкорпорированности групп Старикова в церковной среде нет в отличие, например, от групп Охлобыстина. Но НВР активно сотрудничает с церковным кругом, сложившимся вокруг протоиерея Димитрия Смирнова и архимандрита Тихона (Шевкунова), помогая на ресурсе Шевкунова «Православие.Ru» разоблачать «атакующих Церковь».

Димитрию Смирнову, поддерживавшему Старикова перед православными верующими, не импонируют символы советского прошлого, в том числе и апология Сталина, однако в целом в контексте критики либеральной оппозиции Смирнов оказывается близок к Старикову и советскому стилю мировосприятия. Разногласия между ними обнаружились только в военно-стратегическом вопросе. Ввод советских войск в Афганистан Стариков оценивает положительно, а Смирнов — отрицательно. По мнению Старикова, солдат на войне в Афганистане погибло гораздо меньше, чем россиян сегодня умирает от наркотиков, в том числе поступающих из Афганистана. Чтобы перекрыть этот наркотрафик, Стариков считает целесообразным снова ввести туда войска...

За объединением славянских народов, которое пропагандируют как Стариков, так и Смирнов, также прочитывается стремление к возвращению советского влияния и подобию

социалистической системы. Этатистско-консервативный православный медиахолдинг «Православие.Ru», курируемый «духовником Путина» о. Тихоном (Шевкуновым), воспользовался услугами лидеров НВР в контексте медийных церковно-общественных конфликтов весны 2012 г., когда оппозиционно настроенная часть общества стала критиковать патриарха Кирилла и РПЦ за поддержку Путина во время предвыборной кампании. Один из лидеров НВР Ашманов представил на сайте «Православие.Ru» развернутое математическое доказательство того, что все обличения патриарха в СМИ распространялись не по естественным законам трансляции новостей, а как «медийный вброс», т. е. была некая спланированная акция, преследующая конкретные цели.

Солидаризация Николая Старикова с РПЦ — симптоматичный момент. Ведь в отличие от традиционно-монархистских консервативных политических групп за ним стоит отнюдь не монархический, а имеющий советские предпочтения кластер общества. Интересно, что сам Стариков в отличие от Охлобыстина отрешивается и от монархизма, и вообще от идей единоначалия во власти, предпочитая в качестве принципов построения партийного объединения «коллегиальность управления, отсутствие должности вождя и единоличного руководителя, отсутствие единоличного голосования и принцип демократического централизма»⁶⁴. То есть он на протяжении всей своей деятельности отмежевывался от монархистски ориентированной православной консервативной политики, выступая с левонационалистических позиций.

Другое направление номенклатурно настроенного неосоветизма, примкнувшее к солидарности с РПЦ летом 2012 г., — политическое движение «Суть времени», объединенное вокруг Сергея Кургиняна, известного своим просоветским настроем. В сентябре 2012 г. Кургинян собрал четырехтысячный митинг против ювенальной юстиции и в поддержку Русской православной церкви, на котором побратался с протоиереем Всеволодом Чаплиным, заявив: «Наш союз не разорвать», так как «люди с советскими ценностями дадут отпор врагам России»⁶⁵. Кургинян по-своему пытается обосноваться в той нише, которая традиционно занята КПРФ Зюганова, только в отличие от последнего он

настроен определенно пропутински. Похоже, что такие политики, как Стариков и Кургинян, — явления синкретизма некоего неоправославия и неосоветизма на почве поддержки пропутинской линии и борьбы с «белоленточниками» в контексте нового витка антилиберальной истерии, изоляционизма («запретить все западные образовательные программы!») и демонизации Запада. Это скорее неоправославие, из которого изъяты элементы христианского уважения индивидуальной личности, принципы свободы, комплементарности, вселенскости, которая, напротив, заменена на некий постмодернистский образ человека, следующего довольно узкому набору культурных и политических воззрений, которые не вынашиваются на уровне индивидуального сознания, а задаются «сверху». Фактически это православие тождественно процессу консервации или даже примитивизации бытующих в России принципов устройства общества: патернализма, единоначалия, реанимации института семьи в псевдомостроевской модели. Вместе с борьбой за очищение СМИ здесь просматриваются примитивизация сознания, деление на «черное» и «белое», огрубление, упрощение, обскурантизм. Человек рассматривается лишь в контексте служения государству и консервации национально-родовых традиций.

Тезис «атака на церковь», «православный активизм»
и новая стратегия поведения РПЦ в обществе

Некоторые качества православных верующих, которые характерны именно для «депривационно-оппрессивной парадигмы» в православии⁶⁶, — недоверие к человеческому волеизъявлению, обвинение «секулярного мира» в претерпеваемых церковью сложностях, приоритет охранительной, «защитной» позиции над творческим личностным самовыражением — не только чреваты внутренними противоречиями церковной среды, но и содержат предпосылки конфликтов в обществе. Чувство перманентной конфронтации — отнюдь не безобидная вещь, потому что оно может прорываться вовне в девиантной форме. Вспомним короткий эпизод — ураган в мае 1999 г. в Москве, из-за которого пострадало несколько человек. Ураган внес временный беспорядок: были повалены деревья, повреждены провода,

витражи, в некоторых районах упали на землю рекламные щиты. Что на следующее утро говорили в храмах пришедшие на литургию? Главным образом делились удивлением и удовлетворением, что не пострадали, однако не только. Показательна реакция консервативно-монархического священника Александра Шаргунова, заявившего о радостных чувствах, которые он испытал во время урагана и затем, глядя на его последствия: «...Ветряной шквал прошел как нечто очистительное, как глоток свежего воздуха, ворвавшегося в гламурную Москву, чтобы свалить непристойные плакаты, рекламные щиты». Ураган воспринимался им как своего рода фрагмент будущего очистительного апокалипсиса, способного уничтожить то, что является «мерзостью в очах Божиих», и вообще «унять силы, которые ведут войну с Церковью». В 1990-х годах Шаргунов откровенно выражал позицию, весьма распространенную среди монархически ориентированного и просто консервативного кластера в церкви, которую многие разделяют, однако мало кто готов высказывать публично. По тому, что он произнес, можно было догадаться, что думали те, кто молчит, как на самом деле многие православные верующие были настроены в отношении окружающей реальности. Позиция общества «Радонеж» (главного церковного российского рупора в 1990-х годах) была в целом недоброжелательной, рассматривала отношение «внешнего» мира к церкви часто в категориях войны, и для такой позиции тогда было гораздо больше поводов, чем сейчас. Но при Алексии II разговоры о «войне с церковью» не могли быть поддержаны на официальном церковном уровне, так как, во-первых, православие не было столь популярно и инкорпорировано в общественные группы, как сегодня, а во-вторых, тогдашнее священноначалие по инерции привыкло разговаривать с обществом комплиментарно и стремилось по мере сил сдерживать выпады неофитов в адрес «светского мира».

Ситуация принципиально изменилась в 2012 г., после трех лет правления патриарха Кирилла. С одной стороны, попытки четырехлетнего расширения социальных функций приходов обнаружили дополнительные противоречия в церковном организме, усилили внутреннюю неудовлетворенность уже представителей кирилловской формации,

которые в первое время правления нового патриарха были воодушевлены открывшимися возможностями по продвижению «широкой миссии» церкви. В процессе последних четырех лет этот оптимизм наткнулся на неудобную реальность⁶⁷, а при отсутствии традиции и соответствующих механизмов самокритики в РПЦ это неизбежно ориентировало апологетов «широкой миссии» на поиск внешнего врага: «виноваты не мы, а те, кто нам мешает». С другой стороны, удобным условием для легализации установки на внешнего врага оказалась предвыборная ситуация, когда политическая оппозиция решилась указать РПЦ на недопустимый с христианской точки зрения сервизм и заискивание перед проправительственной партией, а также *обличить* несоразмерность материальных устремлений церкви и исходящей от нее критики потребительства. Напомним, что весной 2012 г. в центр общественного внимания, во многом благодаря усилиям оппозиционно ориентированных СМИ, была поставлена попытка пресс-службы Московской патриархии скрыть наличие дорогих часов у патриарха Кирилла, удалив их с фотографии путем ретуши. Громкий резонанс также получило судебное разбирательство, инициированное родственницей патриарха против хирурга, бывшего министра здравоохранения России, священника Юрия Шевченко в связи с загрязнением элитной квартиры патриарха в «Доме на набережной» в результате ремонтных работ в квартире. Суд обязал Шевченко выплатить 20 млн руб., арестовав квартиру хирурга в качестве залога. Поскольку аргументом в обоснование столь высокого наказания за загрязнение было обнаружение наночастиц в строительной пыли, история получила название «нанопыль патриарха»⁶⁸. Масла в огонь подлило и то, что оппозиция поддержала скандальный «панк-молебен» в храме Христа Спасителя, который помимо политического реализма представлял собой качественно новый вариант вторжения в пространство церкви, попытку обрушения политической системы путем десакрализации поддерживающего ее религиозного института. То есть вместе с политическим протестом «панк-молебен» оказался актом постмодернистской трансгрессии — использования символического сакрального капитала для утверждения определенной идеологии (в данном случае феминизма,

о чем свидетельствует фраза «Богородице, стань феминисткой!»). С другой стороны, здесь же сказывалось стремление если не опрокинуть, то снизить этот сакральный капитал, получить популярность через эпатаж, что в свое время известный богослов протоиерей Александр Шмеман называл «спекуляцией на понижение», применяя такую оценку по отношению к культурным процессам в западном мире.

В такой по-своему уникальной ситуации, зная о заинтересованности политической номенклатуры в общественной поддержке со стороны церкви, патриарх и ведущие спикеры РПЦ решились более смело обозначить свою позицию и пошли на изменение стратегии присутствия церкви в обществе путем перехода на военно-трибунальный язык церковно-общественных обращений⁶⁹.

Своего рода «пусковой санкцией» новой стратегии РПЦ послужили заявления на самом высоком уровне. Первое — «Обращение Высшего церковного совета Русской православной церкви от 3 апреля 2012 года», где говорилось, что «против Церкви в обществе ведется война»⁷⁰, которая выражается в постоянных информационных атаках, второе — слово патриарха Кирилла перед многотысячным «молитвенным стоянием» 22 апреля перед храмом Христа Спасителя, когда общество услышало открытую оборонную риторику включая тезис о «предателях в рясах» и об «атаке на Церковь»⁷¹.

Такой стратегический ход обрел ситуационную рентабельность именно в условиях политического противостояния «партии власти» и оппозиции, поскольку возникла возможность указать общего для церкви и власти «внешнего врага». Критикующие церковь (или инициаторы критики) обнаруживались, как правило, со стороны склонной к рефлексии оппозиции, и удобнее всего оказалось обвинить в «атаке на церковь» именно ее, заявить об исходящем из ее рядов антиклерикализме и необходимости с ним «воевать» со всеми вытекающими последствиями. То есть когда церковное начальство провозгласило тезис об «атаке на Церковь» или «войне против Церкви», то дало прихожанам добро на легитимацию своего внутреннего раздражения по отношению к тому миру, с которым они повседневно сталкиваются.

Симптоматичным следствием появления новой стратегии православия явились своеобразные гражданские ини-

циативы, организованные вышеупомянутым известным духовником протоиреем Дмитрием Смирновым. Его почин заслуживает отдельного рассмотрения. В июне 2013 г. он организовал серию «блогпостов» в своем видеоблоге, где выступил со специальным обращением, которое сопровождалось специальным девизом, взятым из переиначенной советской военной песни. Поэтому обращение о. Дмитрия вполне отвечало тезису о «войне против Церкви» и соответствующей военно-оборонительной риторике. В девизе недвусмысленно было указано, с кем именно нужно «воевать» и кто виноват в бедах России и церкви: «Вставай, страна огромная, / Вставай на смертный бой! / С болотной силой темною, / Стоглавою ордой!»⁷². То есть «люди с Болотной площади», оппозиция отождествлялись с фашистами, напавшими на СССР во Второй мировой войне.

Содержательная цель видеообращения состояла в том, чтобы заявить об организации своего рода съезда в количестве тысячи человек, призвав заинтересованных православных граждан съехаться не только из Москвы, но и из регионов, чтобы создать нечто вроде «группы поддержки» православия, института семьи и вообще ценностей, коррелирующих с православной верой в традиционном понимании. Съезд состоялся 8 июля. Главная идея заключалась в том, чтобы, «не дожидаясь, пока государство “защитит” церковь или традиционные православные ценности», сделать это самим — притом что по умолчанию предполагалось по крайней мере лояльное отношение, «непрепятствие» силовых ведомств к действиям народного самосуда⁷³ и согласие высшей церковной власти, вопреки обычной сдерживающей позиции решившей дать ход апологетам «православного действия». В частности, такую тактику поведения предложил в свое время православный активист и политический деятель (он входит сегодня в президиум политсовета партии «Родина») Александр Босых. В связи с пикетами против содержания под стражей членов «Pussy Riot» он писал: «Устроить самосуд вполне реально — собрать чел 50—100, затаскивать извращенцев за волосы в толпу и смыкаться перед ментами. А что там в толпе с ними фулюханы сдеют — ктож их знает?... кстати получил полное одобрение своих действий от главы КРО

Журавлева и о. Всеволода Чаплина. Правда пожурили меня что матерился... но что было то было, эмоции» (орфография оригинала сохранена)⁷⁴.

Более взвешенную и сдержанную, но уже претендующую на массовый, широкий общественный охват реакцию предложил протоиерей Димитрий Смирнов: «Нужно действовать, а не плакать». Его призыв действительно вырывался из бытовавшей ранее церковно-консервативной традиции, не предполагавшей протестно-митинговую форму участия верующих в политической жизни. Хотя месседж патриарха Кирилла относительно активизации социальной миссии немного перенастроил православную среду с обычной выжидательной позиции на своего рода наступательную. Под воздействием кирилловского времени к церкви приобщились люди, пожелавшие в формах церковного самовыражения чего-то еще помимо пассивного следования формуле «молиться, поститься и слушать радио “Радонеж”»⁷⁵. Но поскольку кирилловская вертикаль власти все же сковывала их возможности в собственно церковной среде, то выплеск православных эмоций оказалось легче всего направить вовне, на расширение «православно-традиционалистского пространства» (или пространства православной идентификации), на обличение тех, кто якобы этому мешает..

Протоиерей Димитрий заявил о необходимости формирования групп мобильного реагирования, он сказал, что нужны этакие «бригады ух», которые будут «реагировать на разные события, скажем, там... где-нибудь в Москве»⁷⁶. По его словам, «может быть, это будет полк, а может — батальон, посмотрим» (как выяснилось, был создан ОД — «отдельный дивизион» с той же эмблемой, что и видеоблог о. Димитрия, где изображены две буквы «ОД», которые можно расшифровать и как «отдельный дивизион», и как «отец Димитрий»). Отмечалась задача обеспечить присутствие православных верующих в социальных сетях «Facebook», «ВКонтакте» и т. д. Среди желаемых навыков участников съезда отец Димитрий назвал: «могу пострелять...». Также он недвусмысленно заявил о необходимости финансовой базы для затеваемой социальной инициативы — в числе полезных атрибутов, ожидаемых от участников съезда, были названы также «деньги»: «У кого они есть — приезжайте»⁷⁷.

Созданный Смирновым «дивизион» стал постепенно давать плоды. Действительно, в Интернете стали появляться группы и блогеры, наполняющие контент «проповедью православия»: картинками из богослужений патриарха, эпизодами жизни церкви, символикой, фотомотиваторами и т. п. На самом деле не столько Охлобыстин, сколько именно Смирнов проявил себя за пред- и послевыборный период в качестве этакого православного «аятоллы Хомейни». Он стал приглашать правых политиков на видеопередачу «Беседа под часами» и разбирать основные идеи их программ, показывая тем самым, что их деятельность оправдана в глазах церкви. Формально поддержка о. Дмитрия не претендует на статус официальной позиции церкви, но неформально она означает даже больше, чем если бы это была поддержка со стороны патриарха. Охлобыстин признается, что ориентируется в своих социально-политических взглядах на о. Дмитрия Смирнова, так как он для него «герой» и «авторитет». Например, во время дискуссий по поводу принятия «закона Димы Яковлева» о запрете усыновления сирот в США Охлобыстин аргументировал свою поддержку этого жестокого антигуманного закона именно тем, что его поддерживает и о. Дмитрий, признав, что позиция последнего для него важнее, чем любые рациональные аргументы против⁷⁸. С одной стороны, Смирнов олицетворяет собой образ неформального церковного лидера, пользующегося поддержкой «снизу», вне официальных преференций, а с другой — нельзя забывать, что он долгое время курировал в РПЦ Синодальный отдел по взаимоотношениям с вооруженными силами и правоохранительными органами и, уходя с этого поста, сумел подготовить себе преемника, находящегося у него в духовном окормлении. Поэтому его поддержка — это еще и сигнал силовикам, что в эпоху Путина играет не последнюю роль.

Нетрудно предположить, что не только протоиерей Дмитрий Смирнов, но и другие священники организовывали группы верующих с прицелом на новую стратегию участия в общественной жизни. Например, появление в церковной среде такого активиста, как Дмитрий Цорионов (по прозвищу Энтео), связано не с инициативами Смирнова, а с Крутицким подворьем, с миссионерской школой убиенного священника Даниила Сысоева, которую Энтео окончил

и в связи с этим любит аргументировать свой миссионерский креатив как раз отсылкой к максимализму о. Даниила.

Православный активизм инициировал появление или активизацию нескольких общественных православных объединений. Это и разные группы казачества, и ревнителю, предпочитающие носить черные футболки с восьмиконечной звездой или с надписью «Православие или смерть», и такое новое явление, как «православные дружины». Лидером здесь является объединение «Святая Русь», возглавляемое бывшим спецназовцем Иваном Отраковским, которое ставит своей задачей охрану храмов, пресечение вандализма, кощунств, надругательств над православными святынями и защиту православной веры в целом, которая предполагает и возможность блокировать те или иные новшества в отношении православной традиции, которые предлагают деятели актуального искусства.

При имеющихся сегодня отрядах «православной полиции нравов» особые перспективы имеют организации, подобные «Божией воле» — движению активистов, связанному с миссионерской школой Даниила Сысоева, от лица которого наиболее активно выступают Дмитрий Энтео и Андрей Каплин. При всей истовости, неопитстве и способности выходить за рамки общественных норм это движение все же отличается от других форм «православной полиции». «Божья воля», будучи привержена вышеупомянутому православному фундаментализму, сумела проявить даже определенный креатив, который, однако, скорее всего будет погашен по мере вхождения их в систему традиционного административно-идеологического контекста сегодняшнего политического православия. Но важно, что у Цорионова есть своя аудитория. К ней принадлежат не столько доктринальные православные, сколько те, кто раздражен информационно перегруженным пространством, миром навязчивой (а порой и агрессивной) рекламы, не рефлексирующей по поводу эстетических и моральных чувств людей. Как раз в защите религиозных чувств кто-то может видеть перспективу защиты морального и эстетического достоинства, особенно те, кто раздражен подачей информации в медиапространстве, потребительской шоу-культурой, культом наживы и агрессии.

Вопреки ожиданиям энтеовская истовость добавила некоторой популярности православию, так как продемонстрировала, что православие — не пассивный музейный артефакт, а реальная социальная сила, на которую можно опереться в решении вопросов, выходящих за рамки собственно религиозной проблематики. Так или иначе, такое поведение очень противоречиво с точки зрения имиджа церкви. При этом церковная (а иногда и светская) номенклатура охотно готова использовать православных активистов и акционистов в своих интересах, в частности, для создания в обществе представления о поддержке того или иного политического курса, для демонстрации силы, даже для защиты церкви от любой неудобной критики, в том числе и внутри нее.

Представляется все же, что подобный православный активизм-акционизм может иметь совершенно неожиданные далеко идущие последствия для самой церкви, так как являет собой прецедент нового самоопределения православных верующих как в социуме, так и в собственно церковной среде. Если доселе православие представляли в основном епископы или официальные спикеры в священном сане, то в какой-то момент в православной репрезентации могут оказаться миряне. То есть, как бы к явлению православного активизма ни относиться, все же мы здесь имеем дело с инициативностью мирян и с определенной самоорганизацией, о недостатке которой аналитики давно говорят по отношению к церкви.

Часть III. Законодательные акты в направлении постсекулярной институционализации православия в России

В контексте описанных выше постсекулярных явлений как в правящей элите, так и в церковно ориентированном обществе представляется целесообразным рассмотреть, какие законодательные изменения были сделаны в рамках феномена «публичной религии», каково юридическое закрепление респектабелизации и социализации РПЦ, каковы законы, направленные на поддержку институционального включе-

ния православия в общественно-политическое пространство России.

Установочной в плане интенсивной разработки церковно ориентированных законопроектов, которая произошла за последние четыре года, явилась встреча патриарха Кирилла с секретарем президиума генерального совета «Единой России» Вячеславом Володиным и его заместителем Андреем Исаевым 8 июля 2009 г. в патриаршей резиденции. Патриарх тогда заручился поддержкой Государственной думы относительно церковных инициатив, укладываемых в формат постсекулярного поступательного движения православия в России и обозначенных как «широкая миссия церкви». Участники встречи отметили «необходимость развивать нравственное измерение в деятельности средств массовой информации». Патриарх сообщил депутатам «об озабоченности многих верующих, которые опасаются возможности введения в России программ сексуального просвещения в школах и системы ювенальной юстиции»⁷⁹.

Разумеется, Московская патриархия имела к этому времени значительный опыт лоббирования церковных инициатив и соответствующих законопроектов и коррективов российского законодательства. Немногие из них удавалось реально воплотить в жизнь. Так, наиболее продолжительной и резонансной оказалась история разработки и введения предмета «Основы православной культуры», которая началась еще с конца 1990-х годов и вызвала острые публичные споры в 2003 и 2004 гг. Министерство образования не раз на словах выражало согласие и поддержку такому курсу, но тянуло с тем, чтобы дать на него окончательное добро. На Рождественских образовательных чтениях 2005 г. министра Андрея Фурсенко даже освистали, когда он высказался против введения этого предмета в школе. Решительное изменение ситуации произошло уже при патриархе Кирилле в 2009 г., когда президент Медведев выразил поддержку «Основам православной культуры» через одобрение более вариативного учебного предмета — «Основ религиозной культуры и светской этики». Не менее сложная судьба оказалась у церковной инициативы по возрождению института военного духовенства. Здесь обошлось без изменения законодательства, но в целом инициатива была поддержана именно

при взаимодействии патриарха Кирилла и президента Медведева. Но стоит отметить множество соглашений между силовыми ведомствами и церковными структурами, заключенных по инициативе РПЦ.

Однако все эти новации не означали готовности политического истеблишмента к восприятию мира через призму православных культурно-смысловых образов. Поэтому их не следует рассматривать в качестве симптома формирования постсекулярного общества или усвоения православной ментальности в административно-номенклатурных структурах и тем более симптома проникновения православной религиозности во властные, законодательные и общественно-политические институты.

Знаменательным представляется именно закон о противодействии оскорблению чувств верующих, расширяющий ст. 148 Уголовного кодекса. Сама по себе постановка вопроса, выделяющая религиозные чувства как объект, который нужно защищать законодательно, каким бы политическим контекстом это ни дополнялось, показывает, что в сознании апологетов защиты чувств есть заявка на новое маркирование пространства человеческих отношений, на прочерчивание религиозных координат ценностного измерения.

Не случайно о возможных мерах защиты чувств верующих от оскорблений разговор зашел на упомянутой встрече патриарха Кирилла с лидерами «Единой России». Понятно, что на самом деле защита чувств верующих означала заботу о том, чтобы защитить имя церкви и ее акторов от разного рода агрессивных выпадов со стороны СМИ, вполне объяснимых в условиях дефицита полемической и коммуникативной культуры в России. Заодно он был направлен и на то, чтобы показать определенную преференцию православия в идеологическом пространстве России. Ведь реальная подготовка к появлению указанного законопроекта стартовала именно тогда. Но не будь того обострения политической борьбы, которое произошло в 2012 г., возможно, такой закон и не появился бы. Напомним, что когда осенью 2010 г. патриарх Кирилл выступил с обоснованием необходимости принять своего рода закон против «богохульства» и Московской патриархией было даже составлено специальное положение, то в законодательной сфере эта инициатива вопло-

щения не получила. Однако события 2012 г. сделали идею закона о защите чувств верующих удобной для властной номенклатуры, кроме того, они дали церкви дополнительные аргументы в пользу того, чтобы эту идею отстаивать.

В итоге заявка на принятие закона о защите религиозных чувств верующих (его официальное название — «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний») продемонстрировала постсекулярный сдвиг законодательной базы на нынешнем этапе диалога РПЦ и администрации Путина. В разработке законопроекта и вынесении его на рассмотрение Госдумы в сентябре 2012 г. участвовали представители разных политических направлений (разумеется, в рамках кремлевской обоймы, но традиционалистски ориентированные внепарламентские группы тоже поддержали этот закон). Закон был вынесен на рассмотрение от имени члена Совета Федерации Б. Шпигеля, а также депутатов разных фракций Госдумы А. Воробьева, С. Железняк, С. Попова, В. Жириновского, Я. Нилова, Н. Левичева, Е. Мизулиной, З. Рахматуллиной, С. Гаврилова и С. Обухова⁸⁰.

Проект предусматривал внесение в Уголовный кодекс дополнительной статьи, карающей крупными штрафами и лишением свободы за осквернение мест поклонения и оскорбление чувств верующих, причем первоначально — только тех религиозных организаций, которые «внесли существенный вклад в историческое наследие России». Непосредственным стимулом для создания этого законопроекта стала история с судебным процессом по делу о «панк-молебне» «Pussy Riot» в храме Христа Спасителя. Очевидно, имелась политическая воля показательно покарать участниц этой акции, но явно не хватало законодательной базы, в итоге судья стала ссылаться на постановления Трулльского и Лаодикийского соборов и ряд актов церковного права, т. е. в судебный процесс были включены универсалии церковной истории.

После появления первого проекта «закона о защите чувств» в октябре 2012 г. Владимир Путин призвал депутатов

«не торопиться» с его принятием, чем фактически отодвинул первое чтение законопроекта на март 2013 г. В этом демарше президента не следует усматривать признак колебаний его отношения к церкви. Это доказала состоявшаяся 1 февраля 2013 г. встреча Путина с участниками Архиерейского собора, где президент сделал заявление, по сути легитимирующее постсекулярный поворот в политике. Он сказал, что «нужно отказаться от вульгарного понимания светскости» и тем самым расширить толкование понятия «светское государство» в сторону признания за церковью больших полномочий в жизни общества⁸¹. Более того, президент продемонстрировал готовность выполнять лидерскую роль непосредственно в церковной сфере. Новым оказалось то, что на некоторые вопросы архиереев Путин отвечал напрямую — т. е. фактически возглавил «заседание» Архиерейского собора, показывая готовность воспринимать церковь в качестве структуры, находящейся по отношению к государству в системной субординации, и способность рассматривать некоторые позиции, входящие в сферу ответственности патриарха Кирилла.

Спор вокруг проекта закона и деятельность по его защите выявили дополнительные черты включения православной церкви в общественно-политическое пространство. Официальные церковные лица были включены в консультативные и общественно-наблюдательные инстанции, прежде всего в Общественную палату. По ходатайству патриарха в нее вошли митрополит Саратовский и Вольский Лонгин, председатель Синодального информационного отдела Владимир Легойда, председатель Отдела по взаимодействию церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин, митрополит Хабаровский и Приамурский Игнатий, архиепископ Уфимский и Стерлитамакский Никон, советник председателя Издательского совета РПЦ по связям с госструктурами Кирилл Мирейский, митрополит Калужский и Боровский Климент, бывший референт патриарха Николай Державин, сопредседатель Всемирного русского народного собора Валерий Ганичев.

Обсуждение закона побудило к установлению более тесного взаимодействия между разными стратами церковного социума — священнослужителей, православно ориентированной элиты и православных активистов-общественников

из среды православно ориентированной молодежи. Более того, последние использовали создавшуюся ситуацию, чтобы организовать миссионерскую акцию в Госдуме во время православной выставки, непосредственно пообщавшись с парламентариями. Впрочем, в отличие от законотворцев православные активисты более взвешенно отнеслись к закону, часть их (движение «Божья воля», возглавляемое Дмитрием Энтео-Цорионовым) раскритиковала закон за то, что он защищает религиозные чувства мусульман в той же степени, что и православных. Известный оппозиционный депутат Илья Пономарев («Справедливая Россия»), положительно отзывавшийся о впечатлении, произведенном на него энтеовцами, так рассказал в своем блоге 14 апреля 2013 г. о беседе с Энтео и его сторонниками в кулуарах Госдумы: «Мой собеседник помялся. — Да как-то не очень этот закон... Его товарищей тоже прорвало. — Надо сектантов ограничивать, чтоб всякие безобразия не творили! А этот закон нам же и навредит! Меня эта реакция весьма удивила. До сих пор я считал, что православная общественность его безоговорочно поддерживает. — Пусть все нормальные религии будут, ограничивать ничего не надо! Надо бороться с пропагандой сект, насилия и извращений, а остальное пусть будет»⁸². Таким образом, даже самые бескомпромиссные церковные фундаменталисты оказались далеко не едины в отношении к закону.

Трудности, возникшие при разработке закона (вопрос о том, какие религии могут претендовать на защиту чувств верующих), актуализировали вопрос об изучении религий в России, чтобы можно было аргументированно ранжировать их по степени социализации в рамках общества или, напротив, деструктивности. Ярослав Нилов и его коллеги решили создать особую межведомственную рабочую группу, которая займется изучением «нетрадиционных для России и действующих в нашей стране представительств зарубежных вероучений».

Сотрудничество думского Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций в лице Нилова с православными движениями постепенно принимает все более широкий характер. Так, взаимодействие между Ниловым и «Божьей волей» проявилось в рамках

упорядочения проведения православных ярмарок. В марте 2013 г. «Божья воля» устроила рейд на одну из православных ярмарок, в которой приняли участие adeпты сообщества поклонников «бога Кузи» — доморощенной секты, объединенной вокруг целителя-харизматика. Православным активистам удалось выявить немало сторонников этой группы, был размещен соответствующий видеоролик в «YouTube», после чего последовало обращение депутата Нилова к патриарху с призывом изгнать сообщество поклонников «бога Кузи» с православных ярмарок, проходящих на ВВЦ. Интересно, что в данном случае инициативу по упорядочению регламента и состава православных ярмарок проявила именно Госдума, а не священноначалие⁸³. Здесь важен не столько сам эпизод, сколько то, что в официальном обращении к патриарху Нилов квалифицировал отношения между Госдумой и РПЦ не как взаимодействие или консультативные контакты, а как «сотрудничество», т. е. наиболее тесную институциональную корреляцию.

Вступивший в силу 1 сентября 2012 г. федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» получил безусловное одобрение в РПЦ, представители которой постоянно говорят о необходимости тех или иных ограничений деятельности СМИ. В соответствии с этим законом, принятым Госдумой еще в 2010 г., правительство России издало 16 августа 2012 г. рекомендации по реализации мер защиты детей от информации⁸⁴, и вскоре российские зрители и читатели увидели в телеэфире и печатных СМИ маркировки «6+», «12+», «16+» и т. п., показывающие, по достижении какого возраста соответствующая информация перестает быть «вредной». В обсуждении закона принимал активное участие глава Синодального информационного отдела Владимир Легойда. «Поскольку формирование детского сознания происходит в современном обществе во многом под влиянием СМИ, прежде всего телевидения и Интернета, эта сфера не может не находиться в центре внимания российских законодателей и общества в целом», — заявил он ориентированному на Московскую патриархию сайту «Интерфакс-Религия»⁸⁵.

Сторонником влияния православия в области российской культурной политики оказался министр культуры

с мая 2012 г. Владимир Мединский, сравнительно молодой активист «Единой России», защитивший диссертации по политологии и истории. Он взял под опеку финансовое обеспечение важного православного информационно-аналитического ресурса, ориентированного на думающих людей в православной церкви, — интернет-портала «Православие и мир», возглавляя его попечительский совет. Весьма показательны ссылки на Мединского архимандрита Тихона (Шевкунова), председателя Патриаршего совета по культуре, в программе Владимира Соловьева «Воскресный вечер» 30 сентября 2012 г. — как раз в разгар дискуссий о «законе против богохульства» и о духовно-нравственной цензуре в СМИ.

Еще один шаг постсекулярного характера — внесение в законодательство поправок, закрепляющих за религиозными организациями право установления внутренних, т. е. конфессионально обусловленных, требований к служащим, религиозному персоналу и работникам. В ст. 24 «Трудовые правоотношения в религиозных организациях» федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» № 125-ФЗ был внесен п. 5, согласно которому «религиозные организации вправе устанавливать ограничения и требования для кандидатов на должности работников религиозных организаций в соответствии со своими внутренними установлениями»⁸⁶. А в ст. 343 Трудового кодекса появилось дополнение: «Религиозные организации вправе устанавливать ограничения и требования для кандидатов на должности работников религиозных организаций в соответствии со своими внутренними установлениями»⁸⁷. Сам по себе закон, конечно, не означает наложения религиозных принципов на общественно-политическое пространство, но открывает новые возможности в правовом регулировании гражданских аспектов деятельности религиозных организаций.

Отдельного внимания заслуживает группа подзаконных актов, связанных с государственным бюджетным финансированием внутрицерковных проектов РПЦ — строительства новых храмов и восстановления монастырей. Функционирует специальная рабочая группа при президенте России по вопросам восстановления объектов культурного наследия

религиозного назначения. Президент Путин, в частности, выделил несколько десятков миллионов рублей на строительство собора Московского патриархата в Петропавловске-Камчатском, а из бюджетных средств Москвы реализуется «Программа-200» по строительству в столице 200 «модульных храмов» РПЦ.

Что касается восстановления и поддержания благосостояния монастырей, то это связано еще с одним резонансным законом — «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ (его сокращенно называют законом о реституции церковного имущества). О его принятии Путин и патриарх Кирилл договорились 5 января 2010 г. На поверхностный взгляд этот закон как будто не относится к феноменам десекуляризации, однако у РПЦ имеются материальные проблемы, которые вынуждают ее просить у государства вместе с культовыми комплексами еще и значительных финансовых вливаний, чтобы эти комплексы реставрировать и содержать. Например, акт передачи РПЦ московского Новодевичьего монастыря в 2011 г. оказался сопряжен с особым заявлением управляющего Московской областной епархией митрополита Ювеналия о необходимости поддержки монастыря со стороны государства. Митрополит призвал прописать отдельной строкой в бюджете программы «Культура России (2012–2018 гг.)» объем финансирования реставрации объектов обители в 2015–2018 гг., определив размер выделяемых средств в миллиард рублей ежегодно⁸⁸. Федеральная целевая программа восстановления Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря предполагает финансирование в размере 39,7 млрд руб., из которых лишь 50 млн (около 0,2%) будет привлечено из внебюджетных источников. Сопоставимая с этой сумма еще распоряжением президента Медведева направлена на восстановление Новоиерусалимского монастыря РПЦ в Подмосковье. Наиболее известные монастыри имеют особые попечительские советы, составленные из высокопоставленных госслужащих и представителей крупного бизнеса.

Заключение

С учетом специфики политической ситуации последних трех-четырёх лет появление множества изменений в российском законодательстве, институционально закрепляющих разные преференции православия в России, может показаться лишь результатом благоволения к РПЦ как институту, который своей поддержкой укрепляет авторитет власти. Однако если рассмотреть последовательную стратегию церкви и православно ориентированных политиков, проявившуюся еще в 1990-х годах, списывать правовые изменения последних трех лет лишь на ситуацию было бы ошибочно.

Характер воплощения политического капитала православия, который можно видеть на примере политических движений, групп, существующих за рамками кремлевской обоймы, тоже показывает, что на подобные вещи есть запрос внутри общества. Все это вызывает недоумение у многих называющих себя «сторонниками светскости». Они из года в год указывают на отступления государства от принципов светскости, на необходимость их соблюдения как неких само собой разумеющихся «очевидных вещей». Что можно сказать по этому поводу?

Необходимо посмотреть на проблему с другой стороны – на саму стратегию утверждения принципа светскости и лежащего в его основе мировоззрения, как это делает российский исследователь Дмитрий Узланер. Применительно к российскому обществу это стратегия, которая, по словам Узланера, «подразумевала открытое признание и навязывание нового прогрессивного мировоззрения (секуляризм), единственно основанного на разуме и универсально доступного каждому свободному индивиду». То есть предлагается смотреть на светское мировоззрение как на «единственно нормальный взгляд человека на мир, общество, природу и самого себя», и в рамках этой стратегии «любой усомнившийся в естественности такого видения мира рисковал прослыть в лучшем случае ретроградом, а в худшем – фанатиком»⁸⁹.

Именно данной стратегии во многом продолжают придерживаться сторонники светскости и сегодня. Помимо этической уязвимости она плоха тем, что минимизирует

возможности диалога между сторонниками двух мировоззренческих парадигм. Сторонники светскости оказываются предоставленными сами себе, сторонники религиозного мировоззрения тоже, и обе стороны попадают в ситуацию, провоцирующую дальнейшую социальную партикулярность, самоутверждение в собственной позиции и отгораживание. Процесс возрождения православия в течение практически всего постсоветского периода не сопровождался в должной мере конструктивным стремлением повлиять на него со стороны сторонников светского мировоззрения. Вместо попыток понять верующих и признать за церковью право на общественно-политическую мотивацию, в том числе и на гражданскую позицию, в основном наличествовала сухая критика тех или иных инициатив церкви. Несмотря на всю сложность возможного влияния на формы церковной жизни со стороны общества, такой вопрос должен был бы присутствовать в повестке дня гражданского общества. Долгое время не уделялось должное внимание изучению российского православия и со стороны академического сообщества, притом что запрос на такие исследования имелся и со стороны общества, и со стороны ученых. Однако развитие социологического и антропологического интереса к православию, сопряженного с вовлеченностью разных научных институтов, происходит в основном в последние пять лет.

Так или иначе, сегодня важно осознать, что православный фактор в коммуникативной культуре российского общества имеет серьезные и последовательные основания, он будет и дальше воздействовать на общественное сознание, какие бы формы это воздействие ни принимало. Трудно делать прогнозы и давать рекомендации, но думается, что целесообразно было бы, абстрагируясь от ситуационных моментов, выделить разные компоненты культурной модели православия и попытаться разграничить, какие из них препятствуют, а какие способствуют социальному капиталу. Наиболее адекватным ответом представляется изменение стратегии утверждения принципа светскости и поиск путей взаимодействия светского и религиозного с учетом этих форм. Светское мировоззрение в условиях постсекулярного движения вряд ли можно утверждать априори, как само собой разумеющуюся ценность. Его нужно обосновывать, дока-

зывать, формулируя понятие светскости с учетом воззрений разных социальных групп, а также с поправкой на негативный опыт, связанный с утверждением светского мировоззрения как единственно верного и непререкаемого.

Примечания

- 1 В настоящей работе использованы результаты, полученные в рамках исследования «Этико-поведенческие предпочтения в православных субкультурах современной России: между “empowerment” и “oppressiveness”», поддержанного Научным фондом НИУ ВШЭ в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0233.
- 2 Стенограмма заседания Государственной Думы 11 апреля 2012 года // <http://transcript.duma.gov.ru/node/3613/>.
- 3 *Верховский А.* Политическое православие в российской публичной политике. Подъем антисекулярного национализма // <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2005/05/d4678/>. См. также: Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001 гг. — М.: Центр «СОВА», 2003.
- 4 В особенности см.: *Митрофанова А.* Политизация «православного мира». — М.: Наука, 2004.
- 5 *Прибыловский В.* Союз православных граждан (СПГ) // http://www.anticompromat.org/s_pg/spr_spg.html.
- 6 Там же.
- 7 *Красиков А.* Глобализация и православие // Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2009. — С. 50. — (Религия в Евразии).
- 8 О геополитическом концепте «православная цивилизация», называемом также «русской цивилизацией», см. подробнее: *Красиков А.* Указ. соч. (в особенности с. 59–61, 82, 83); *Филатов С.* Традиционные религии, «русская цивилизация» и суверенная демократия // *Russian Rev.* — 2007. — Дек. (<http://www.keston.org.uk/russia/articles/tt24/04Filatov.html>).
- 9 *Верховский А.* Национализм руководства Русской православной церкви в первом десятилетии XXI в. // Православная церковь при новом патриархе / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 144. — (Религия в Евразии).
- 10 См.: *Филатов С. Б.* Послесловие: Религия в постсоветской России // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России / Отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. — М.; СПб.: Летний сад, 2002. — С. 481.

- 11 Так, на заседании ВРНС 1998 г., также проходившем при участии лидеров нескольких политических партий, патриарх Алексей II подчеркнул, что церковь по своей природе не предназначена участвовать в политическом управлении или воздействовать на экономику.
- 12 Слово Предстоятеля Русской Православной Церкви на встрече с духовенством Тверской епархии // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1212900.html>.
- 13 *Фролов К.* Есть такая сила – Союз Православных Граждан // <http://www.otechestvo.org.ua/analitika/250303.html>.
- 14 *Узланер Д.* Трансформация светскости // Рус. журн. – 2008. – 28 дек. (<http://www.russ.ru/pole/Transformacii-svetskosti>); См. также более подробно: *Он же.* Неоклассическая модель секуляризации в западной социологии религии второй половины XX – начала XXI вв.: Дис. ... канд. филос. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2009.
- 15 *Устинов В. В.* Утверждение духовности – основа возрождения России // <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/436.htm>.
- 16 «В том, что наше общество больно, – не сомневается никто. Общество надо лечить. Лечить самыми разнообразными средствами, среди которых не последнее место должен занимать контроль за соблюдением стандартов поведения человека. Стандартов, которые исключают использование прямо или косвенно должностного положения в корыстных и иных личных целях. Указами Президента России и другими нормативными актами по каждому ведомству определен перечень должностей госслужбы, квалификационные требования, порядок назначения, аттестации, переназначения и т. п. Это сделано для того, чтобы в ходе административной реформы должности госслужбы заняли не только компетентные, но главным образом *чистые помыслom и сердцем* люди, действия которых будут прозрачны и контролируемы обществом. И, если недостатка в правовой регламентации нет, то есть, к сожалению, дефицит исполнения требований нормативных актов. Эта проблема, не сомневаюсь, будет преодолена. Но при условии, что и здесь будет поставлен духовный заслон, если все мы повернемся к истокам нравственности, к пониманию духовной природы правонарушений. Это даст нашему обществу лекарство для их одоления. Архиважно пастырское попечение о тех, кто находится на государственной службе. При отсутствии у них нравственного идеала никакие меры принуждения, устрашения или наказания не смогут остановить злой воли» (Там же).
- 17 Там же.
- 18 Нравственная основа модернизации: Аналитический материал к заседанию Центра социально-консервативной политики Партии «Единая Россия» / Нац. ин-т развития соврем. идеологии. – М., 13 февр. 2010. (http://www.nirsi.ru/Ideology/n48/nravstv_osnovy_modern_13.02.2010_NIRSI.pdf/).
- 19 Там же.

- 20 ГПК: Обществу необходим набор нравственных ценностей // <http://www.er-duma.ru/press/45251>.
- 21 Базисные ценности — основа общенациональной идентичности: Декларация XV Всемирного Русского Народного Собора // <http://www.rospisatel.ru/xv%20vrns-bz.htm>.
- 22 Кандидат в президенты РФ Владимир Путин проводит предвыборную встречу с религиозными деятелями // <http://er.ru/news/2012/2/8/putin-rasporiyaditsya-o-podgotovke-kadrov-dlya-prepodavaniya-v-shkolah-osnov-religii/>.
- 23 Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г.
- 24 Чебоксарская епархия РПЦ МП формирует списки воцерковленных школьных учителей для преподавания ОПК // <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=90521&type=view>.
- 25 *Мальцев В.* Власть одолжила ценности у Церкви: РПЦ и «Единая Россия» нашли общую идеологическую платформу // ИГ-Религии. — 2012. — 20 июня.
- 26 Автор благодарит за помощь в подготовке материала для этого раздела А. С. Лыскова и В. В. Звонарева.
- 27 Владимир Жириновский посетил выставку «Вера в России» // http://ldpr.ru/events/Vladimir_Zhirinovskiy_visited_the_exhibition_Faith_in_Russia/.
- 28 Николай Левичев встретился с представителями Русской Православной Церкви // Катехизис.ru. — 2009. — 1 дек. // <http://www.katehizis.ru/rossiya-segodnya/nikolay-levichev-vstretilsya-s-predstaviteliyami-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi>.
- 29 См.: Беседа протоиерея Всеволода Чаплина с депутатами Я. Ниловым и С. Гавриловым о защите чувств верующих // Интерфакс-религия. — 2013. — 15 апр. (<http://www.interfax-religion.ru/?act=video&div=357>).
- 30 Стенограмма заседания Государственной Думы 11 апреля 2012 года // <http://transcript.duma.gov.ru/node/3613/>.
- 31 См.: Грызлов: вклад Алексея II в возвращение людей к духовным ценностям трудно переоценить // Интерфакс. — 2008. — 5 дек. (<http://www.interfax.ru/news/49804>).
- 32 Коррупция в прокуратуре // <http://kprf.ru/crisis/edros/80072.html>.
- 33 Путин и его семья — христиане. Это главное // Известия. — 2001. — 7 дек. (<http://izvestia.ru/news/255666#ixzz3obDXiiEE>); *Солдатов А.* Духовные внуки // Огонек. — 2007. — 24–30 дек. (<http://www.ogoniok.com/5028/16/>); *Clover Ch.* Putin and the monk // FT Magazine. — 2013. — Jan. 25 (<http://www.ft.com/cms/s/2/f2fcb3e-65be-11e2-a3db-00144feab49a.html#axzz2JAg1KFZT>).
- 34 См.: Протоиерей Андрей Кураев на радио Финан.ФМ: Россию губит безнравственность (Видео + ТЕКСТ) // <http://www.pravmir.ru/>

- protodiakon-andrej-kuraev-na-radio-finam-fm-rossiyu-gubit-beznravstvennost-videtext/.
- 35 Независимость от правды? // http://ldpr.ru/ldpr_talks/analytics/INDEPENDENCE_FROM_THE_TRUTH/.
- 36 Владимир Жириновский выразил соболезнования народу Ирана // http://ldpr.ru/events/_Zhirinovsky_expressed_his_condolences_to_the_people_of_Iran/.
- 37 Стенограмма заседания Государственной Думы 20 апреля 2011 г. // <http://transcript.duma.gov.ru/node/3423/>.
- 38 Дипломатический конфуз Медведева в Ливии // <http://kprf.ru/international/93933.html>.
- 39 Все, что творится с международным усыновлением, творится с ведома государства // <http://kprf.ru/activity/children/114959.html>.
- 40 Выступление Сергея Миронова на XVI Всемирном Русском Народном Соборе 01.10.2012 // http://www.spravedlivo.ru/5_44826_1_5.html.
- 41 Дорога к храму // http://ldpr.ru/events/road_to_the_temple/.
- 42 Позорный провал ненавистников Сталина на НТВ: громкое эхо не стихает // <http://kprf.ru/tv/74280.html>.
- 43 См.: <http://www.pravmir.ru/voprosy-o-vere-kandidatu-v-prezidenty-rossii-sergej-mironov/>.
- 44 *Тёрнер Б.* Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 2 (30). — С. 21–51.
- 45 Там же. — С. 37.
- 46 *Верховский А.* Политическое православие в российской публичной политике: Подъем антисекулярного национализма // <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2005/05/d4678/>.
- 47 В частности, автору настоящей статьи принадлежит небольшой анализ монархическо-цезаристского движения: *Кноффе Б.* Движение за канонизацию Ивана Грозного и православно-монархический цезаризм // Религия и российское многообразие. — М., СПб.: Летний сад, 2011. — С. 503–528.
- 48 *Охлбыстин И.* Доктрина-77. Полный текст + Видео // Pravmir.Ru. — 2011. — 13 сент. (<http://www.pravmir.ru/doktrina-77-ivana-oxlobystina-polnyj-tekst/>).
- 49 Там же.
- 50 Там же.
- 51 Там же.
- 52 *Чаплин Вc., прот.* Исток конфликта — не в ядерном оружии, но в грехе властолюбия // Religare.Ru. — 2007. — 8 февр. (http://www.religare.ru/2_38058.html).
- 53 *Охлбыстин И.* Указ соч.

- 54 Там же.
- 55 См. подробнее: *Knorre B.* «Culture of Guilt» in The Context of «Oppression» and «Empowerment» Paradigms in Post-Soviet Orthodoxy // Официальный портал Высшей школы экономики (в печати).
- 56 См. подробнее: *Knorre Б.* Современное российское православие: от социальных парадоксов — к вопросу о социокультурной модели (в печати); *Knorre Б. К.* Социальное служение современной Русской православной церкви как отражение поведенческих стереотипов церковного социума // Православная церковь при новом патриархе / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 69–120.
- 57 Официальный сайт партии: <http://www.rodina.ru>.
- 58 27 января 2012 года Василий Бойко-Великий, Алексей Аверьянов, Анна Бойко-Великая и Альберт Филозов решили создать партию «Народное движение «Святая Русь» // <http://www.rus-svyat.ru/news/43/>.
- 59 Сергей Мезенцев предлагает создать партию на основе декалога // <http://www.sova-center.ru/religion/news/authorities/elections/2012/01/d23517/>.
- 60 Мезенцев Сергей: Нам нужна «партия десяти заповедей» // Сетевое издание «Религия и право». — 2012. — 24 янв. (http://www.sclj.ru/massmedia/detail.php?ELEMENT_ID=3759&print=Y).
- 61 Протоиерей Смирнов и Николай Стариков // <https://www.youtube.com/watch?v=4OSPуEXOVF8>.
- 62 Там же.
- 63 Там же.
- 64 Какая партия нам нужна? // <http://nstarikov.ru/blog/15841>.
- 65 «Наш союз не разорвать!»: Кургинян и Всеволод Чаплин обмениваются репликами о единстве людей с советскими и православными ценностями на митинге в Москве 22 сентября // Portal-Credo.Ru. — 2012. — 24 сент. (<http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=95405&type=view>).
- 66 О депривационно-оппрессивной парадигме в российском православии см. подробнее: *Knorre B.* Op. cit.
- 67 *Филатов С.* Патриарх Кирилл — два года планов, мечтаний и неудобной реальности // Православная церковь при новом патриархе / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 9–68 (Религия в Евразии); *Филатов С.* Религиозно-общественная жизнь зимой 2011–2012 гг.: РПЦ и демократическое движение: сервизм или православная салазаровщина? // Russian Rev. of the Keston Inst. — 2012. — № 1 (56) (http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition56/01-life-winter.htm).
- 68 См. подробнее: «Квартирный вопрос» хирурга Шевченко решен: с пятой попытки снят арест с жилья по соседству с патриархом // <http://>

- www.newsru.com/russia/20sep2012/hata.html; «Золотая» пыль патриарха // <http://www.rosbalt.ru/moscow/2012/03/22/960327.html/>.
- 69 См. также: *Верховский А.* Идеология патриарха Кирилла, методы ее продвижения и ее возможное влияние на самосознание Русской православной церкви // <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2012/10/d25570/>.
- 70 Обращение Высшего церковного совета Русской православной церкви от 3 апреля 2012 года // <http://www.patriarchia.ru/db/text/2133260.html>.
- 71 Патриарх Кирилл в своем слове по случаю молитвенного стояния отметил, что «сегодня мы подверглись атаке гонителей — несопоставимой с тем, что было в прошлом». См.: Слово Святейшего Патриарха Кирилла перед началом молебна в защиту веры, поруганных святых, Церкви и ее доброго имени // <http://www.patriarchia.ru/db/text/2177868.html>.
- 72 Первое слово протоиерея Димитрия Смирнова к участникам блога, или Вставай, страна огромная... // <http://www.dimitrysmirnov.ru/blog/cerkov-11389/>.
- 73 «Если вам и правда охота видеть печень белоленточников на асфальте — я знаю людей, которые готовы в этом помочь. ОМОН структура официальная, им нельзя. Скандал будет, да и типа репрессии, нехорошо. А вот если кто из граждан не сдержится... многим же запахло, когда торчки и пидарасы пытаются изображать народных лидеров. Так что вполне возможны ситуации разные. Реформировать власть нужно, но для начала надо избавиться от крикливой толпы ублюдков и извращенцев. Которые препятствуют любому конструктиву в диалоге между народом и властью. И чем раньше страна от них избавится — тем быстрее пойдут перемены» (орфография оригинала сохранена). См.: Когда за РОССИЮ бывает стыдно... и страшно! // <http://andyburg54.livejournal.com/39455.html>.
- 74 *Босых А.* Про защиту группы «Сиси-Писи» // Интернет-сообщество «Ru-Politics». — 2012. — 12 марта (<http://ru-politics.livejournal.com/42949544.html>).
- 75 Известный римейк «Молиться, поститься и слушать радио “Радо-неж”», составленный из разных слов игумена Петра (Мещеринова), высмеивал обскурантистскую и эскапистскую позицию мистически настроенных православных верующих, распространенную в церковной субкультуре особенно в первые пятнадцать лет возрождения православия после падения советской власти. Патриарх Кирилл во многом задал противоположный вектор, который выразился в легитимации социальной активности, однако эта активность оказалась жестко лимитирована политической позицией священноначалия и его решениями.
- 76 Первое слово протоиерея Димитрия Смирнова...
- 77 Там же.

- 78 Актер и священник Иван Охлобыстин в «Собчак живьем». Часть 1 (текст и видео) // http://tvrain.ru/articles/akter_i_svjaschennik_ivan_ohlobystin_v_sobchak_zhivem-334778/.
- 79 Святейший Патриарх Кирилл встретился с представителями партии «Единая Россия» // <http://www.patriarchia.ru/db/text/688607.html>.
- 80 <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=95477&topic=808>.
- 81 Путин предложил отказаться от «вульгарного примитивного понимания светскости».
- 82 *Пономарев И.* Об одной встрече в Государственной Думе и о диалоге с РПЦ // <http://ilya-ponomarev.livejournal.com/581036.html>.
- 83 «В продолжение сотрудничества Государственной Думы и Русской православной церкви информирую Вас о том, что в комитет, а также депутатам фракции ЛДПР поступают многочисленные обращения и жалобы по поводу выставок, ярмарок и других подобных мероприятий, которые в своем названии содержат определение “православная», – говорится в обращении Я. Нилова, опубликованном 27 марта 2013 г. «Интерфаксом» (<http://interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=50577>). Глава комитета отметил, что зачастую на этих публичных мероприятиях продается литература, не имеющая отношения к православию. Кроме того, там продаются пищевые продукты «сомнительного качества, выдаваемые, например, за монастырские». «Убежден, крайне важно урегулировать порядок согласования подобных мероприятий. Прошу Вас выразить позицию Русской православной церкви по этому вопросу», – говорится в обращении главы комитета к патриарху.
- 84 Полный текст распоряжения: <http://base.garant.ru/6749192/#1000>.
- 85 Полный текст новости сохранился в архиве Правозащитного центра Всемирного русского народного собора: <http://pravovtms.ru/?p=1686>.
- 86 Права и условия деятельности религиозных организаций // <http://base.garant.ru/171640/3/>.
- 87 Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О свободе совести и о религиозных объединениях” и статью 343 Трудового кодекса Российской Федерации» // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=101142;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.40660062595270574>.
- 88 В Церкви просят выделить на реставрацию Новодевичьего монастыря несколько миллиардов рублей // <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=50986>.
- 89 *Узланер Д.* Трансформация...

МОНТАЖ И ДЕМОНТАЖ СЕКУЛЯРНОГО МИРА

Под редакцией Алексея Малашенко
и Сергея Филатова

Редактор *Александр Иоффе*
Дизайн серии *Вагу&Вром Design Bureau*
Дизайнер *Яков Красновский*
Иллюстратор *Анна Подвысоцкая*
Компьютерная верстка *Юрий Мосягин*

Подписано к печати 22.09.14
Формат 60x90 1/16.
Гарнитура Baskerville Cyrillic
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 25,5
Тираж 2000 экз.

Издательство «Российская политическая
энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, г. Москва, Профсоюзная ул., д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru,
E-mail: sales@chpd.ru,
тел. 8 (496) 726-54-10